

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

С и м п о з и у м
А Н Т И Ч Н А Я Б А Л К А Н И С Т И К А

Этногенез
народов Балкан и Северного Причерноморья

Лингвистика, история, археология

2 - 4 декабря 1980 г.

М о с к в а 1 9 8 0

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

АНТИЧНАЯ БАЛКАНИСТИКА

Этногенез
народов Балкан и Северного Причерноморья

Лингвистика, история, археология

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Москва 1980

Редакционная коллегия

**С.Б.БЕРНШТЕЙН, Л.А.ГИНДИН, Е.С.ГОЛУБЦОВА,
А.И.МЕЛКОВА, В.Э.ОРЕЛ**

© Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1980

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник включает в себя тезисы докладов, представленных на симпозиум, посвященный проблемам античной балканистики и проводимый, как и предыдущие, в Институте славяноведения и балканистики АН СССР.

Предшествующие симпозиумы по античной балканистике состоялись в 1972, 1975, 1978 гг. и характеризовались рядом черт, которые здесь стоило бы отметить специально. Это, прежде всего, широта подхода при общем тематическом единстве симпозиумов. Далее, это неуклонный рост числа участников от симпозиума к симпозиуму, включая представителей ряда крупнейших научных центров СССР, ученых старшего поколения и научной молодежи.

Уже первый симпозиум по античной балканистике убедительно показал, что само определение круга проблем, стоящих перед античной балканистикой как научной дисциплиной, предполагает сотрудничество специалистов различных профилей как внутри языковедческой науки, так и вне ее: лингвистов-балканистов, компаративистов, этимологов, филологов-классиков, хеттологов, историков, археологов и др. Эта тенденция к комплексности в изучении древнебалканского ареала /конечно, не исключая и проблематики славянской колонизации Балкан/ особенно явно выразилась на 3 симпозиуме по античной балканистике /1978 г./, посвященном языковым данным и этнокультурному контексту Средиземноморья. Тематический, хронологический и пространственный диапазон "Античной балканистики 3" охватывал Балканы и их средиземноморское окружение в многообразных аспектах лингвистической, филологической, эпиграфической реконструкции.

Логическим продолжением развития комплексного подхода к проблемам античной балканистики и междисциплинарной интеграции является данный симпозиум "Античная балканистика". Проводимый Институтом славяноведения и балканистики, Институтом археологии и Институтом всеобщей истории АН СССР, он объединяет исследователей - лингвистов, историков и археологов - разрабатывающих проблемы, связанные с этногенезом народов Балкан и Северного Причерноморья, поскольку этническая история балканских народов находилась в теснейшей связи с причерноморскими народами /например, скифами/, а частично и развертывалась в районах, определяемых с Северным Причерноморьем.

Бесспорной представляется актуальность проблем балканского этногенеза как для лингвистов, так и для историков, его значение как самостоятельное, так и в связи с изучением этногенеза славян, и прежде всего - южных славян. Симпозиумы по античной балканистике в какой-то степени возрождают интерес специалистов к недостаточно разработанной тематике балканского этногенеза, неизменно рассматриваемой на этих симпозиумах в различных аспектах: так, 3 симпозиум был посвящен средиземноморским связям Балкан. Данный симпозиум особое внимание уделяет скифской проблеме, весьма существенной и для славянского этногенеза.

В.И.Абаев

О НЕКОТОРЫХ "ВАРВАРСКИХ" ТОПО-, ЭТНО- И АНТРОПОНИМАХ
У АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

Формирование "варварской" топо-, этно- и антропонимии у античных авторов шло разными путями. Случай первый: передача реального звучания данного названия в местной среде средствами греческой/латинской/графики; пример - (Σκύθαι) Ἀμύργιοι. Случай второй: перевод местного названия на греческий/латинский/ язык; пример - Μεγάλοχλαῖνοι. Случай третий: названия-характеристики, даваемые самим автором или его соплеменниками; пример - (Σκύθαι) ἄροτῆρες. Случай четвертый: адаптация "варварского" названия; пример - (Πόντος) Ἄξεινος.

Противопоставление скифов-земледельцев /γεωργοί/ скифам-пахарям /ἄροτῆρες/ у Геродота представляется крайне странным и наводит на мысль, что γεωργοί здесь не название-характеристика /третий случай/, а адаптация местного названия *gauvargā "почитающие скот" /четвертый случай/.

Ц.Р.Арутюнян

К АРМЯНО-ГРЕЧЕСКИМ СООТВЕТСТВИЯМ

Этимологический словарь Р.Ачаряна предоставляет нам не только готовые этимологии, но и зачастую скрупулезно зафиксированные языковые свидетельства, которые в наши дни, при ином уровне науки, могут лечь в основу новых этимологий.

I. Армянское ափամ "мелю" и греч. ἄλιον то же восходят к и.-е.*al-, которое засвидетельствовано также в иранских языках. От этого корня в армянском и греческом имеются сходные по образованию и по значению отлагольные имена: арм. ալիւր "мука",

греч. $\acute{\alpha}\lambda\epsilon\upsilon\rho\omicron\nu$ "мука"; арм. $a\lambdaauri$ "мельница", греч. $\acute{\alpha}\lambda\epsilon\tau\rho\acute{\iota}\varsigma$ "рабыня-молодщица". Ясно, что $a\lambda i\upsilon r$ не может быть отглагольным именем от $a\lambda am$. Однако в арм. есть другое слово $a\lambda un$ "мелево", не представленное в словаре Ачаряна и до сих пор не имеющее этимологии. То, что $a\lambda un$ имеет прямое отношение к глаголу $a\lambda am$, не вызывает сомнения. Более того, возможно, что оно представляет собой основу на $-n$ древнего гетероклитического слова "мука" /ср. основу греч. $\acute{\alpha}\lambda\acute{\epsilon}(f)\alpha\tau\alpha$ /.

2. Арм. $t^c i$, род. п. $t^c i o i$ "лопата, весло" с греч. $\pi\tau\acute{\upsilon}\omicron\nu$ "веяльная лопата, веялка" впервые были сопоставлены как генетически тождественные Р. Ачаряном. Эxpлицитуря этимологию Ачаряна, мы вправе считать, что арм. $t^c i$ и греч. $\pi\tau\acute{\upsilon}\omicron\nu$ восходят к нулевой огласовке и.-е. * $pet-$ /ср. также атт. $\pi\tau\acute{\epsilon}\omicron\nu$ /. В семантическом плане в арм. и греч. языках можно предположить следующее развитие: "крыло"/как часть тела/ "рука"/у человека/ "инструмент, продолжение руки"/выполняющий функцию крыла/ "веялка", а также "весло" и "лопата" в функции веялки/лопата для копания в арм. и в греч. имеет другое название/.

3. И.-е. древние названия змеи восходят, в основном, либо к * $e\grave{g}h\acute{i}\varsigma$ либо к * $ang^w\acute{i}\varsigma$. Возведение арм. $a\check{u}j$ к форме * $ang^w\acute{i}\varsigma$ нам кажется необоснованным, так как арм. $-j-$ не может быть возведен к и.-е. * $-g^w-$. Его и.-е. праформой является палатализованный, аспирированный звонкий заднеязычный * $-g^h-$. Однако $a\check{u}j$ не может быть возведен также и к * $e\grave{g}h\acute{i}\varsigma$. В отношении звонкого смычного заднеязычного это было бы оправдано, однако необъяснимым остался бы $-u-$. Точно такие же сомнения привели В. Порцига к выводу о том, что греч. $\beta\acute{\upsilon}\rho\acute{\iota}\varsigma$ представляет собой продукт скрещения * $rg^w\acute{i}\varsigma$ и * $o\grave{g}h\acute{i}\varsigma$. Нам кажется, что результатом именно такого явления оказалось и арм. $a\check{u}j$.

Л. С. Бажан

ОБЩЕЛУВИЙСКИЙ ТИП СПРЯЖЕНИЯ: К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

Восстанавливаемые для общеи.-е. две серии глагольных форм /хет. спряжения на $-mi$ и $-hi$, имеющие аналог, как показали исследования В. В. Иванова, в противопоставлении длительных и аористических глаголов греч., индо-иран. и др. языков/ находят

своеобразное отражение в лув. языках анат. группы. В отличие от хет. глаголов, различающих два типа спряжения в активе и медиопассиве, глаголы лув. и лик. А имеют лишь единичные формы, образованные по модели спряжения на *-hi*. Что касается мильйского, то несмотря на его архаичный характер, мильйская глагольная система еще дальше отстоит от хет. типа, так как никаких явных следов спряжений на *-mi* и *-hi* в нем обнаружить не удалось.

Анализ мил. материала показал, что в этом диалекте также имеет место противопоставление двух типов спряжения, но на иной основе. Глаголы I-го типа образуют настоящее время и претерит от неударенной основы, тогда как глаголы 2-го типа регулярно противопоставляют ударенную основу презенса неударенной основе претерита. При исследовании контекстов не выявлено никаких семантических факторов, обуславливающих наличие ударенной или неударенной основы. Сопоставление с и.-е. материалом позволяет определить, что все мил. глаголы 2-го типа восходят к старым аористическим глаголам /хет. 2-ое спряжение/.

Реликты аналогичных лув. форм, позволяющие реконструировать для общелув. оппозицию двух глагольных серий, находят параллель в языках аугментного ареала. Это, в свою очередь, могло бы служить дополнительным аргументом в пользу раннего членения анат. языковой общности, восходящего к периоду греко-индоиран. единства.

А. А. Белецкий

НАЗВАНИЯ РЕК ГРЕЦИИ

Почти все древние названия более или менее значительных рек /в отношении длины и обилия воды/ не этимологизируются сколько-нибудь удовлетворительно на основе др.-греч. нарицательной лексики. В отличие от них н.-греч. названия по большей части этимологически прозрачны /Алиакмон – Вистрица, Алфейос – Руфьяс, Арахтос – Потоми тис Артас, Ахелоос – Аспропотамос, Тиамис – Каламас, Эвенос – Фидарис, Сперхейос – Аламана/.

Из древних названий менее значительных по длине и обилию воды рек удовлетворительно этимологизируются: Главкос – возле г. Патр, Дафнос – в Локриде, Селинус – в Элее на Пелопоннесе, в Ахаии, возле г. Эфеса в М. Азии, возле г. Пергама в Мисии, в Кили-

кии ; Сис /"Свинья"/ – в Беотии и в Сикионии, Харадрос – в Кинурии на Пелопоннесе, Эвропос – приток Фессалийского Пенея, Элиссон – в Элее и в Аркадии, Эрасинос – в Арголиде, в Аркадии, в Аттике ; Левкос – в Элее и в Арголиде. Примечательно, что в разных частях Греции для разных рек повторяются одни и те же названия, напр., Алиакмон в Македонии и в Арголиде, Асопос – в Арголиде, во Фтиотиде, в Беотии, на о. Паросе, на о. Эгине ; Инахос в Арголиде, в Акарнании, в Беотии /там также Скамандрос/, Куралиос в Фессалии и в Беотии, Памиссос в Мессении, в Лаконии, в Элее, в Фессалии /приток Пенея/ ; Ненейос в Фессалии и в Элее, Энипеев в Македонии и в Фессалии /приток Пенея/. Не менее примечательно и то, что одни и те же названия рек встречаются как в Греции, так и в Малой Азии, напр., Апиданос в Фессалии /приток Пенея/ и в Троаде, Асопос в Беотии и во Фригии, Инахос /=Скамандрос/ в Беотии и в Троаде, Селинус в Трифилии /Элея/, в Ахаии и возле г. Эфеса, так же возле г. Пергама в Мисии и в Киликии, Селлезейс в Сикионии, Теспротии и в Троаде.

Для некоторых рек еще в древности сохранялись параллельные названия, напр., Алиакмон в Арголиде – также Инахос и Карманор, Инахос в Беотии – также Скамандрос, Эвротас – также Бомакс и Имерос, Ладон в Беотии – также Исменос. В названиях рек Греции можно обнаружить несколько хронологических и, очевидно, языковых "слоев": а/ догреч., напр., Аоос, Апиданос, Арахтос, Асопос, Ахелоос, Ахерон, Илисос, Инахос, Кефисос, Кокитос, Стримон, Эброс ; б/ др.-греч., напр., Главкос, Дафнос, Левкос, Селас, Селинус, Сис, Эвротас, Эрасинос ; в/ н.-греч., напр. Аламана, Аспропотамос, Галликос, Каламас, Лурос, Руфьяс, Саламбриас, Фидарис, Харадрос. Дальнейшие исследования др.-греч. потамонимии должны быть направлены на: а/ стратификацию догреч. слоя и б/ установление генетических связей потамонимов с прочими географическими названиями.

Л.А.Гиндия

ЧЛЕНЕНИЕ СКИФСКИХ ПЛЕМЕН В СВЕТЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИСТРИБУЦИИ ГЛАГОЛОВ ОБИТАНИЯ В IV КН. ГЕРОДОТА

Разыскания в комплексе проблем славянизации карп.-балк. пространства обратили наше внимание I/на достаточно строгую

дистрибуцию на фоне отсутствия по большей части свободно-варьированного синонимического употребления в сочинениях Прокопия Кесарийского глаголов обитания *οἰκέω, νέμομαι* /мед.-разв./ *ἔδρῶμαι* /мед.-разв./ и 2/на несоблюдение карине необходимой в данном случае аутентичности перевода на современные языки форм указанных глаголов /нами просмотрено значительное число контекстных ситуаций в *De bello Gothico* и все употребления этих глаголов по отношению к славянам на протяжении всех сочинений Прокопия/. Стремление **определить** семантический спектр и проследить семантическую эволюцию этих этимологически совершенно различных глаголов, обусловивших включение **определенной** части их значений в единое семантическое поле, вынудило изучить контекстное функционирование упомянутых глаголов у основных греч. историков классической поры с учетом фактов гомеровских поэм. Коль скоро обнаружилось довольно строгое распределение между *οἰκέω* и *νέμομαι* в этнографических и этнологических описаниях *ἔδρῶμαι* в интересующем нас смысле получило распространение в постклассическую эпоху/, представилось целесообразным поставить своего рода эксперимент и проанализировать употребление данных глаголов в IY кн. Геродота, содержащей описание 6 скифских племен наряду с другими племенами Вост. Европы, известными Геродоту. При этом по нашим общим наблюдениям над языком исторической прозы, *οἰκέω*, будучи деноминативом от *φοῖκος* "жилище, дом", специализировавшим свою семантику по сравнению с и.-е. термином социальной организации **ueik-* etc. /ср. лат. *vicus* "деревня, городской квартал", др.-инд. *vis* "по/селение /также одной семьи/, племя, род", ср. *vis-rātiḥ* "глава рода, клана" и т.д., слав. *въвь* "деревня"=гот. *weihs* /соответственно мотивации обозначало "жить домом, ведя совершенно оседло ойкосное хозяйство, организованное в рамках урбанистической цивилизации, с свойственными ей интенсивными формами обработки земли"/см. "Труды и дни" Гесиода /; по отношению к негреч. племенам это означало в общих чертах тип хозяйствования сходный с греч.; затем уже "жить вообще". Напротив, *νέμω*, являясь первичным непроеизводным глаголом, в своем семантическом спектре и семантике отглагольных имен сохранило в преобладающей мере поверхностно осязаемым этимоло-

гически исходное значение "предназначать, наделять и т.п., распределять соответственно обычаю или соглашению; делать предоставление, дележ упорядоченным и т.п." /ср. Chantraine, Dict. s.v./, реконструируемое на базе двух семантических кругов глагола *véμw* и его субстантивных производных, чрезвычайно полно документированных в греч. письменной традиции. Приведенная семантическая реконструкция может быть до известной степени достоверно распространена на и.-е.*nem-, также как и и.-е.*ueiR- продуцировавшего важнейшую терминологическую сферу социальной жизни индоевропейцев, но сохранившуюся, помимо греч., весьма неполно, см. наиболее архаичную семантику в гот. *niþan* "брать", в смысле "получать законно" /Benveniste, Inst. I, 8/, если сюда же, то особенно лат. *numerus* "число" /**nomeso-*/, свидетельствующее о первичном "техническом" смысле и.-е.*nem- "считать некие конкретные объекты" /Рожницкий I, 765 с., ср. Walde-Hofmann, s.v. /. Имеются в виду такие значения глагола *véμw*: 1/"распределять, раздавать пищу, питье, землю/под пашню и выпасы/ и т.д."; откуда в мед. "пожинать плоды", "кормиться, питаться в широком смысле", затем "жить, обитать, простираться, занимать территорию, часто с именами собственными - этнонимами, топонимами и т.д.", "вообще существовать" и т.д.; 2/"пасти скот, заниматься скотоводством", что в мед. выразилось "кормиться, пастись/о крупном рогатом скоте/" "питаться, жить/о скотоводах, пастухах, кочевниках - *νομάς* /", "бродить, скитаться" и пр. /ср. Liddell-Scott, s.v./ . Согласно нашим специальным наблюдениям, вполне правомерно обобщить значение мед.-pass. *véνομαι* в интересующем нас аспекте "/по отношению к негреч. племенам/ поддерживать существование жить, обитать, добывая средства к существованию иными, чем привычные грекам, формами ведения хозяйства, менее интенсивными, вплоть до натурального /отсюда медий/, применяя другие способы обработки земли /например, переложное, подсеченное земледелие/, кочевым и отгонным скотоводством, наконец, простым собирательством, обусловившими на взгляд греков недостаточно оседлый образ жизни, сопровождающийся различной частоты перемещениями конкретного местожительства", поэтому понятие "пастись" одинаково было применимо и к животным, и к людям, ср. в совершенно контрастной позиции с *ἔβριμαι* /resp. *οἰκίω*/у Прокопия о склавинах,

савроматах-кочевниках: ... καὶ εἰ τι ἄλλο θηριῶδες ἀνθρώπων γένος ἢ γέμεσθαι, ἢ ἴδρυσθαι ἐνταῦθα ξυμβαίνει "...и также всякий другой зверинный род людей, которому случается здесь или пастись /с. кормиться/, или оседать" /Proc. ae. IV, 5=H. IV, 103/.

В соответствии с охарактеризованной семантической дифференциацией анализ контекстных употреблений глаголов οἰκέω и γέμεται в IY кн. Геродота при этнографическом описании племен восточной Европы дал удивительно высокую степень предсказуемости их выбора в зависимости от типа хозяйственной деятельности и образа жизни. В глазах Геродота основной этнический признак скифов вообще, без более дробных подразделений, — кочевой скотоводческий образ жизни. В начале вводной части/ниже везде имеется в виду IY кн./, после экзотического описания доения кобылиц, он высказывает общее категорическое положение в §2: [Σκύθαι] οὗ γὰρ ἀρόται εἰσὶ ἀλλὰ νομάδες "ибо они /скифы/ не земледельцы, но кочевники /т.е.номады"/. В §II соответственно о скифах—номадах, живущих в Азии /οἰκέουσας ἐν τῇ Ἀσίῃ / сказано: τὴν [с. ἤν Κιμμερίην] γὰρ τῶν γεμονταὶ Σκύθαι "ведь страна киммерийцев [в Европе за Араксом/теперь населена скифами"; part. praes. act. от οἰκέω — один из 2 случаев, когда может возникнуть мысль о позиции свободного варьирования синонимических глаголов, чему здесь препятствует, по нашему мнению, отсутствие параллелизма форм и несоразмерность географических объектов, поэтому данное причастие надо, видимо, понимать как простое указание на неконкретизированное место жизни, т.е. "/вообще/живущих /ранее/в Азии".

При раздельном описании каждого из 6 скифских племен наблюдается следующее распределение. 1. Σκύθαι νομάδες: Геродот, оставшись верен своему языковому чувству, в §19, аналогично интерпретированным §§2, II, с той же хозяйственной характеристикой употребляет ожидаемое γέμεται: ... διαβάντι τὸν Πάντικαπην ποταμὸν νομάδες ἢβη Σκύθαι γέμονται, οὔτε τι σπείροντες οὔδ' ἐν οὔτε ἀροῦντες "за рекой Пантикапа обитают /точнее, обретаются/ уже скифы—номады, ничего совсем не сея и не вспахивая". 2. Σκύθαι ἀροῦντες: четко выраженная характеристика интенсивного сельского хозяйства — производство хлеба на продажу; пахари в этом смысле единственные среди других скифс-

ких племен, что обусловило постановку οἰκέω в §17: ὅπερ δὲ Ἰλλυ-
ξίωνων οἰκέουσι Σκύθαι ἀροτῆρες, οἳ οὐκ ἐπὶ σιτήσιν σπεί-
ρουσι τὸν ὄστρον ἀλλ' ἐπὶ πρήσι

"над алидзо-

нами живут скифы-пахари, которые сеют хлеб не для /собственно-
го/ потребления, но на продажу", ср. о догреч. народе пеласгов, вы-
сокий статус культуры которых для Геродота был бесспорен, все-
гда οἰκέω, несмотря на ограниченный объем I, 57 и близкое со-
седство глагольных форм/3 раза + I приставочное образование на
протяжении 5 строк стереотипного издания in octo/, что, однако,
не вызывало необходимости стилистического свободного варьиро-
вания синонимических глаголов; то же о дорийцах в I, 56. 3. Σκύ-
θαι γεωργοί /из γη[ο]-φοργός или -φερρός, букв. "земледельцы",
ср. γαβαργός· [δ] ἀροῦ μισθώτης· Λάκωνες/Нев./;

к количественной метатезе в сложениях γεω- < γη-ο-, ср. γεωμετρία
"землемерие" и др./Frisk, Chantraine. Dict. s. v. γῆ, ср. Schwyzger.

Gr. Gr. I, 447⁴ /: характеристика хозяйственной деятельности
отсутствует; по поводу скифов-земледельцев употреблено νέμοναι
в 3 местах - первый раз в §18, затем через 35 параграфов, по од-
ному разу в §53, 54; это может указывать на стереотипность узу-
са и неслучайность выбора Геродотом данного глагола единожды,
причем в пределах того же §18, за несколько строк до νέμοναι
/2-ое предложение/ стоит οἰκέω /1-ое предложение/; последнее
обстоятельство может также создать впечатление о стилистичес-
ком варьировании, но пристальный филологический анализ всего
отрывка, как кажется, со значительной вероятностью препятствует
этому: ἀτὰρ διαβάντι τὸν Βορυσθένεα ἀπὸ θαλάσσης πρῶτον
μὲν Ἰγλαίη, ἀπὸ δὲ ταύτης ἄνω ἵκοντι οἰκέουσι Σκύθαι γεωργοί,
τοὺς Ἕλληνας οἳ οἰκέοντες ἐπὶ τῷ Ἰγλάνι ποταμῷ καλεῖουσι
Βορυσθενείτας, σφέας δὲ αὐτοὺς Ἰσθμοπολίτας, οὗτοι ὦν οἱ
γεωργοὶ Σκύθαι νέμονται τὸ μὲν πρὸς τὴν θῆν ἐπὶ τρεῖς
ἡμέρας ὁδοῦ, κατήκοντες ἐπὶ ποταμὸν τῷ ὀνόματι κέεται
Παντικαίης, τὸ δὲ πρὸς βορέην ἄνεμον πλοῖον ἀνὰ
τὸν Βορυσθένεα ἡμερέων ἕνδεκα

"А за

Борисфеном от моря прежде всего Гилея, от нее же, если идти
вверх, живут сельскохозяйственные скифы, которых эллины, живущие на
реке Гипанис называют борисфенитами, сам же себя - ольвиопо-
литами. Именно эти вот сельскохозяйственные скифы обретаются /букв.
кормятся, пасутся/ к востоку на три дня пути, простираясь до

реки по имени Пантикапа, на север же плаванья вверх по Борисфену II дней". Постановка οὐκέω вероятно инспирирована по крайней мере тремя причинами: 1/общая неконкретизированная констатация факта в контекстной ситуации, аналогичной рассмотренной в §II; 2/непосредственной близостью part. praes. act. οὐκέοντες – атрибутива к Ἕλληνες; 3/семантический параллелизм фразовых отрезков, связанных с καλέουσι: "живущих за Гилеей скифоров... и живущих на Гипанисе эллинов... называют". Далее идут два племени, переходных по типу хозяйства, одинаково, видимо, различного от интенсивного греч., основным признаком которого было производство на продажу. 4. Ἕλληνες Σκύθαι οἱ Ἀλιζῶνες и 5. Σκύθαι οἱ Καλλιπίδαι: относительно обоих в §I7 употреблено νέμομαι: ἀπὸ τούτου [sc. Βορυσθενείτων ἐμπορίου] πρῶτοι Καλλιπίδαι νέμονται ἔόντες Ἕλληνες Σκύθαι, ὑπὲρ δὲ τούτων ἄλλο ἔθνος οἱ Ἀλιζῶνες καλέονται. οὗτοι δὲ καὶ οἱ Καλλιπίδαι τὰ μὲν ἄλλα κατὰ ταῦτα Σκύθησι ἐπασκέουσι, σῦτον δὲ καὶ σπείρουσι καὶ στέονται, καὶ κρόμμυα καὶ σκόροδα καὶ φακοὺς καὶ κέγχρους

"от нее /sc. торговой гавани Борисфенитов/ первыми обретаются /обитают/ Калилипиды, являющиеся эллинами-скифами, выше же них /обретается, т.е. νέμεται/ другой народ, который называется алидзонами. Они же /т.е. алидзоны/ и калилипиды во всем ведут себя /ср. лат. studeo/, как скифы /т.е. ведут кочевой образ жизни/, однако /δὲ καὶ/ хлеб сеют и едят, и лук, и чеснок, и чечевицу, и просо". 6. Βασιλήιοι Σκύθαι: в плане интересующих нас глаголов употреблен семантически нейтральный глагол κατήκω/ион./ "дойти, простираться".

Отмеченное синтагматическое противопоставление οὐκέω и νέμομαι сохраняется в этнографическом описании прочих племен Вост. Европы, так как все оно построено на сравнении обычаев и образа жизни этих племен со скифами. 1. Савроматы: типичные кочевники, живущие в безлесной степи – употреблено νέμονται, §2I. 2. Будины: обитают в густом лесу /ἔην νέμομενοι πᾶσαν δαβῆαν ὑἄη παντοῖη/, "имея другой надел, букв. полученный по жребью" /δευτέρην λάξιν ἔχοντες – §2I, где λάξις от λαγχάνω возрождает этимологическое значение νέμω/; в §I09 будины наз-

ваны *αὐτόχθονες νομάδες*, питающиеся сосновыми шишками, т.е. растительной пищей, что подтверждает правомерность нашей мысли о расширенном понимании термина *νομάδες* у Геродота: это не только скотоводы, но племена, ведущие образ жизни, связанный с переменной местожительства /подсечное земледелие, охота, собирательство и т.д./ 3. Фиссагеты: живут охотой /*ζῶσι δὲ ἀπὸ θήρης*/ в соответствии со сказанным употреблено *νέμονται*, §22. 4. Геллоны: живут в земле будинов совершенно оседло в огромном деревянном городе *Γελωνός*, отличаясь от будинов по языку и образу жизни, §108: "геллоны же и землю обрабатывают, питаются хлебом и имея сады" /*Γελωνοὶ δὲ γῆς τε ἐργάται καὶ σιτοφόροι καὶ κήπους ἐκτιήμενοι* - §109/ употреблено *οἰκίσαν*, §108. 5. Невры: жители лесной области, находящейся рядом с будинами /§105/, видимо к западу; археологически земледельцы - дважды употреблены формы от *οἰκέω*, именно *οἰκίσαν* /§105/ и *οἰκέουσι* /§17/; впрочем, нравы у них скифские /§105/. 6. Меланхлены: жители лесостепной полосы, т.к. населяют область непосредственно к северу от царских скифов - употреблено *οἰκέουσι* /§20/ и второй раз - *οἰκημένους* /§101/ нравы, как у невров, скифские /§107/. 7. Тавры: живут разбоем и войною /*ζῶσι δὲ ἀπὸ ληΐης τε καὶ πολέμου*, §103/- соответственно практически 4 раза на протяжении одного §99 употреблено *νέμονται*. 8. Андрофаги: единственное явное противоречие нашей схеме, т.к. в §106 о них сказано *νομάδες δὲ εἶσι*, но в §18 употреблено *οἰκέουσι*; облегчающее обстоятельство может заключаться в том, что андрофаги несомненно не были жителями степей: *ἢ δὲ κατύπερθε τούτων [sc. τῶν γεωργῶν σκυθῶν] ἔρημός ἐστι ἐπὶ πολλόν. μετὰ δὲ τὴν ἔρημον Ἀνδροφάγοι οἰκέουσι* "выше них /с.земледельческих скифов/ простирается пустыня на много, за пустыней же живут андрофаги" /§ 18/.

Э.А. Грантовский, Д.С. Раввский

К ВОПРОСУ ОБ "ИНДОАРИЙСКОМ" ЭТНОЯЗЫКОВОМ ЭЛЕМЕНТЕ
В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В МИТИЧНУЮ ЭПОХУ

Среди проблем истории Сев. Причерноморья в I тыс. до н.э. - в скифское время - одно из главных мест занимает вопрос об этнолингвистической принадлежности его населения. На пути его

разработки достигнуты ощутимые результаты. Если оставить в стороне данные, относящиеся к внешним этническим привнесениям /имена греч. колонистов, персидские, римские и т.п./, вся свверопонтийская ономастика скифского времени, поддающаяся языковой атрибуции, убедительно истолковывается как относящаяся к языкам индоиран. группы. В тех случаях, когда есть основания для более конкретной интерпретации, в ней по разным показателям отчетливо выявляются специфически иранские черты /работы В.с. Миллера, М. Фасмера, В. И. Абаева, Я. Харматты и др./ Иногда, впрочем, полагают, что наряду с иранским в имеющемся материале можно выделить также языковый пласт, относящийся к другой основной ветви ариев - "индоарийской" /И. Кречмер, С. Н. Трубачев/.

Проблема наличия в Причерноморье скифского времени индоарийского населения должна рассматриваться в 2 аспектах: 1/его принципиальная этноисторическая возможность; 2/поиски реально подтверждающих его фактов и критерии их отбора. Утвердительный ответ на 1-ый вопрос вполне вероятен, в частности, в свете аргументированной с конца 1950-х - начала 1960-х гг. концепции о Юго-Вост. Европе как прародине индоиранцев и о разделении их на 2 ветви еще в период обитания на этой территории /В. И. Абаев и др./ Но уже возможность сохранения оставшимися в Причерноморье "индоариями" полной этнокультурной самобытности на протяжении многих столетий, особенно в условиях широкого распространения здесь ираноязычных племен, близких им в языковом и культурном отношении, представляется достаточно спорной. Предлагаемые же толкования лингвистических фактов как подтверждающих наличие в Сев. Причерноморье античной эпохи "индоарийского" этнического элемента вызывают серьезные возражения на различных уровнях исследования ономастического материала. Нельзя согласиться и со многими экстралингвистическими аргументами в поддержку этой концепции.

В докладе разбирается серия соответствующих примеров с целью продемонстрировать, что в настоящее время не имеется реальных доказательств /как лингвистических, так и иных/ существования в Сев. Причерноморье в I тыс. до н.э. самостоятельного в языковом и культурном отношении индоарийского населения и что единственным надежно выявляемым здесь по-прежнему остается

ираноязычный этнический элемент, что в принципе не исключает возможности сохранения отдельных индоарийских языковых реликтов.

А.К. Гулакян

К ВОПРОСУ ОБ АУГМЕНТЕ ВО ФРИГИЙСКОМ, ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ И ДРЕВНЕАРМИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Аугмент употреблялся во фриг., др.-греч., др.-инд., др.-арм., возможно, в др.-макед. языках для подчеркивания значения прошедшего времени в изъявительном наклонении. Он добавлялся к инфинитивной форме индикатива для образования претерита. Для понимания общей природы явления как четкой ареальной изоглоссы целесообразно рассмотреть действие этого морфологического факта во фриг., др.-арм. и греч. языках.

1. Во фриг. в изъявительном наклонении активного залога показателем аориста служат сигматический исход основы и аугмент/=А./ Формы без А./наряду с формами с А./встречаются в др.-фриг. надписях УП-У вв. до н.э. В н.-фриг. надписях II-III вв. н.э. А. имеется во всех известных формах индикативного аориста. При появлении А. аорист принимает форму с усеченным личным окончанием. В случаях сохранения вторичного личного окончания А. отсутствует: ср. *indic. act. edaev, axvanes*, но *Tekset, da. fet*. А. встречается только в 3 л. ед. ч. Следовательно, дистрибуция А. носит структурный характер, а факультативность употребления, представленная в ранних формах, исчезает в поздних.

2. В др.-арм. А. в форме *e-* встречается в 3 л. ед. ч. односложных глаголов /"приносить" *berel - eber* "он принес"/. Употребление А. в I, 2 лице ед. и мн. ч. крайне редко /*edi* "я положил" от *dnel* "класть"/. Как правило, А. употребляется при глаголах с начальным согласным. А. при односложном глаголе с начальным гласным - позднее явление, возникшее по аналогии с классическим употреблением /от глагола *awcanel* "помазать" встречаются аористные формы *awc* и *ewc*/. Возможен аорист односложного глагола 3 л. ед. ч. без А./ *egit* и *git* "он нашел"/. Налицо факультативность и ограниченность употребления А. с постепенно расширяющейся сферой действия. В др.-арм. члены глагольной парадигмы были, в основном, дву- и многосложными: во избежание

ломки архитектоники парадигмы язык прибегал к помощи А. для образования форм от односложных глаголов.

3. В языке Гомера А. был факультативным, ср. формы без А. *στῆ, βῆ, βάλλε, ὀλέκοντο, δυνάμεθε*. В ион. диалекте Геродота у глаголов, начинающихся с дифтонгов, начальный гласный не удлинялся. У обоих авторов возникает система итеративов на *-σκον*, выступающих лишь в форме имперфекта и аориста без А. Если итеративный суффикс удлиняет слово с конца, А. становится как бы ненужным и утрачивается /*φύγεσκε, δόσκον, λάβεσκε*/, Ясно видна тенденция к сохранению числа структурных элементов. В остальных случаях дистрибуция А. у Гомера затемнена. В более позднем языке А. канонизируется и распространяется даже за рамки индикатива /в койне аог. соэж. *ἐνηλιώσθη, κατέβηθη*. В н.-греч. с А. выступают только одно- и двусложные формы с начальным согласным. Поскольку ударение в греч. не может стоять дальше 3-го слога от конца, А. сохраняется фактически только под ударением /*ἔβραχα, ἔβραχεσ, но βράχαιε, βράχτηκε* /.

Таким образом, категория А. в сравниваемых языках носит весьма сходный характер. А. является одним из способов соблюдения структурной модели глагольной парадигмы. Для истории развития А. характерна первоначальная факультативность и ограниченность сферы действия с последующим ее расширением и появлением регулярности употребления. Это, а также то, что в других и.-е. языках признаков А. не обнаружено, даже в самых архаичных текстах, подводит нас к пониманию А. как инновации, не существовавшей в общей.-е. А. является важной изоглоссой, очерчивающей сравниваемые языки и позволяющей реконструировать их пространственную близость в пределах общей парадигмы.

Т. А. Гуриев

ОСЕТИНСКИЙ ЭПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СКИФСКОГО ВОЗРАСТА

Теория скифо-алано-осетинской непрерывности получила солидное обоснование в трудах В. Ф. Миллера, В. И. Абаева, Ж. Дюмезиля и др. Без боязни впасть в ошибку можно утверждать, что каждое сколько-нибудь значительное открытие в скифо-сарматологии дает новое подтверждение основательности данной теории. Богатейшим источником по древней истории осетин является нартовский эпос, в соответствующих формах донесший до нас отголоски древ-

них обычаев скифо-сармат, их идеологии, истории. Задача исследователей – вскрыть историческую основу фольклорных сюжетов и мотивов.

Историческую основу имеют сказания, связанные с образом нарта Ацамаза. В одних сказаниях он выступает как мудрейший и авторитетнейший старик, к которому нарты обращаются в трудную минуту. В других сказаниях Ацамаз – чудесный музыкант, игра которого на уадындзе /свириели, флейте/ действует на всю живую и неживую природу. Юного Ацамаза нельзя представить без его всепокоряющей флейты, доставшейся ему от престарелого отца Аца. Имя Ацамаз уже сравнивалось с Атамазом, встречающимся несколько раз в аланских эпиграфических надписях Причерноморья начала н.э. Молленгоф объяснял конечное –маз в данном имени из иранского – "большой, великий". I-ую часть имени Ата- мы сопоставляем с именем великого скифского царя IV в. до н.э. Атея: Атамаз "Ата великий". Имена Аца и Ацамаз имеют общий корень; возможно обратное словообразование – Аца из Ацамаз /?/

Эпитет "великий" вполне заслужен царем Атеем: он в течение долгого времени правил Скифией, с его именем и изображением чеканились монеты. В 339 г. до н.э. в битве с Филиппом Македонским скифы понесли поражение и Атей погиб. В то время ему было около 90 лет. Атей был, несомненно, одной из тех редких исторических личностей, которые становятся героями легенд и эпосов. Эпический образ виртуоза игры на уадындзе, Ацамаза, сына престарелого Аца, также находит историческое толкование. Из античных источников мы знаем, что Атей взял в плен знаменитого греч. флейтиста Исмения, который в присутствии царя демонстрировал свое искусство. Возможно, захватывающая новизна этого зрелища стала основой формирования образа виртуоза Ацамаза, этого осетинского Орфея.

Ф. Елюева

О ЗАПАДНЫХ СВЯЗЯХ СКИФОВ

О контактах языка скифов с языками Балкан говорит немало фактов. Возможно, такие контакты возникли еще в период существования относительно нерасчлененной древнеевропейской языковой общности. В. И. Абаев указывает, что иран. скиф. *vukta свя-

зано как с герм.* skuta, ср.нем. Schütz, так и с греч. σκῦτης, которое было синонимом τοξότης "стрелок". Ряд скифо-герм. изоглосс, достаточно специального характера, напр., д.-в.-н. felawa, осет. fægv "ива, ольха", позволяет ставить вопрос о возможности хронологического определения герм. Lautverschiebung.

Ввиду столь сложных связей скиф. и осет. лексики можно высказать предположение о том, что осет. к'ух "рука" родственно не только таким кавказским словам, как картв.* qe, проточerk.* qa, но и многим словам в и.-е. языках: курд. qōz, арм. kołr, русск. диал. голя "ветвь"/с широко распространенным семантическим переходом; армяно-слав. сближение принадлежит Мейе/, греч. ἔγχεαλίξω "обращать в руки", ἄσπελον "вогнутая часть руки". С точки зрения Lautverschiebung в данном случае осетино-арм. изоглосса представлялась бы менее древней, чем скифо-славянская.

В плане рассматриваемой проблематики значительный интерес представляет предложенная О.Н. Трубачевым этимология имени роксоланского царя Распарагана. Необходимо отметить, что 2-ой компонент имени *-paraḡana "врагов убивающий" может быть и иранским: анализируя осет. fagop "прошлогодний", В.И. Абаев возводит его к иран.* rāga "прошлый, дальний, чужой"; иран.* ḡana- закономерно продолжается в осет. qæp "полон, рана". 1-ый компонент имени *ras/z- "царь, князь", продолжающий, согласно О.Н. Трубачеву, и.-е.* reǵ-, известен не только в индоарийском, ср. др.-инд. rāja, но и в иранском, напр., в хот.-сак. rḡaue.

Т.Д. Златковская

ПУТИ СОХРАНЕНИЯ ДРЕВНЕБАЛКАНСКОЙ ОБРЯДОВОЙ ТРАДИЦИИ. ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Элементы др.-балк., в частности, фрак. культуры прослеживаются в различных сферах духовной жизни современных народов, в значительной мере - в их обрядности. Пути сохранения древних ритуалов многообразны; но можно наметить основные каналы, по которым фракийское наследие вливалось в широкую реку формирующейся европейской обрядности.

Кукерский обряд у болгар дает нам один из ярких примеров заимствования древних ритуалов, при котором из глубины веков передается часть обрядового кода, сохраняющего специфические

фракийские черты. Другой путь восприятия др.-фрак. культовых действий можно отметить в обряде русалий у болгар, румын и молдаван. Под влиянием розалий, совершавшихся в древней Фракии, у народов-наследников фрак. традиций в обряде русалий приобрел особое звучание врачующая магия; поминовение усопших, составлявшее стержень римско-италийских розалий, потеряло свою преобладающую роль и слилось с магико-целительными действиями. Влияние фрак. ритуала проявилось здесь в выдвигании на первый план одних и в отходе на задний план других компонентов обряда.

Иной тип процесса сохранения др.-балк. традиции заметен в почитании христианских святых в образе всадника на коне /главным образом, Георгия и Теодора/, уходящем своими корнями в и.-е. мифологические и культовые представления. Посредством культы фракийского всадника и.-е. представления были переданы современным народам балкано-карпатских земель. В дальнейшем эти народы сохранили в обрядах в честь святых-всадников целую цепь взаимосвязанных культовых персонажей, сходных с образом, функциями и по аксессуарам с фракийским всадником. Звенья этой цепи находятся в довольно подвижном состоянии, могут соединяться в отличную от древней смысловую схему.

Еще один тип заимствования древней традиции можно наблюдать в обряде сурваканья у болгар, *sûrsovã* у румын, соркова у молдаван, включающих целый цикл сложных действий с магической ветвью. Фрак. традиция в этом случае проявилась в особом, зимнем приурочении обряда, объясняемом ритуальным календарем фрак. племен. Эти примеры дают представление о многообразии путей восприятия древней традиции теми народами, в этногенетическом процессе которых фрак. субстрат играл существенную роль.

Вяч. Вс. Иванов

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СООТНОШЕНИИ МАЛОАЗИАТСКОЙ ЛИКИЙСКОЙ, ЭТРУССКОЙ И РИМСКОЙ ПИСЬМЕННЫХ ТРАДИЦИЙ. ОБОЗНАЧЕНИЕ ЧИСЕЛ

Детально исследованная в последнее время лик. система идеографического обозначения чисел обладает следующими особенностями, отделяющими ее от других традиций балкано-эгейско-

20

малоазиатского круга, где письменность в I тыс. до н.э. была выработана под влиянием финик. и греч. алфавита. Числа в лик./как и в этр., и в римском/ письме обозначаются идеографически не буквами в соответствии с их алфавитным порядком /что характерно для почти всех остальных традиций, прямо основанных на греч. алфавите/, а специальными знаками /лишь иногда внешне совпадающими с начертаниями букв/. Характер обозначения I-ых четырех целых чисел натурального ряда обнаруживает разительные аналогии, во-первых, с клинописной традицией, продолжавшейся в Угарите /в клинописи I "1", II "2", III "3", IV "4"; лик. I "1", II "2", III "3", IV "4" как вариант знака IIII /- при наличии типологических /если не генетических/ параллелей в раннеит. письме /где горизонтальное положение знаков соответствует раннему клинописному до поворота клинописных начертаний на 90° /: - I", = "2", ≡ "3"; во-вторых, с традицией римской, связанной с лик. через этр. Особенно показательное обозначение "4" посредством вычитания: лик. IV; вычитательный принцип, сходный с римским обозначением XIX, засвидетельствован также в лик. знаке ||OO"-2+20=18", совпадающем по внутренней форме с этр. словесным обозначением *eslem. za 9 gumi* & Знак для "5" обозначается посредством лик. V с вариантами Y, <, что не только тождественно римскому и венет. V "5", но и удостоверяет связь этр. ^ с тем же исходным знаком /в последнее время его предлагали рассматривать как половину знака M, т.е. как акрофоническое указание на этр. *ma x* "5", но это объяснение годится лишь для этр., где числительное родственно черк. *pxea* "5", хинал. *pxu* "5", но не для лик., в котором, как и в других анат. языках, с ш- начиналось обозначение не "5", а "4", заимствованное из формы типа лак. *mu k i va* > о.-анат. **mewa*, лик. *mu-ritte* "четверо"; наличие повернутого на 90° варианта < наряду с V "5" в лик. позволяет объяснить ^ и без обращения к акрофонии/. Лик. вариант обозначения "5" L весьма интересен для сопоставления со знаками I, L, обозначавшими "50=5*10" в римском и венет. письме. Другой лик. вариант для "5" C может быть понят как левая половина знака для "10" O /что в принципе подтверждает возможность понимания некоторых знаков для чисел как половинок, вдвое больших по величине знаков; тогда X может быть понято

как \vee над \wedge : "5+5=10", ср. D "500" как половину D "1000"/.Лик. С совпадает с лат.знаком для "100=10×10" С, что образует соответствие к L "50=5×10".Обозначения в лик.чисел Y || и C || "7", O ||| "13", O <||| "18", OO | "21", OO || "22" структурно совпадают с соответствующими римскими и,отчасти,с клинописными цифрами,отличаясь только начертанием некоторых знаков.Представляется,что лик.система цифровых обозначений являет собой недостававшее ранее промежуточное звено между клинописной древневосточной и угаритской,с одной стороны, этр.и римской,с другой.Нельзя считать исключенной/для эпохи перехода от алфавита типа клинописного угаритского к позднешему/ генетическую связь между клинописным \triangleleft "10" и лик.С, клиноп. Y || "100" и этр. C || "100" /используется наряду с \otimes и \odot /,ср.также клиноп. Y ||| Y ||| Y ||| "1000" и этр. C ||| /> лат.Н/,лишь с 3 в. до н.э.постепенно вытесняемое знаками O или O "1000".Этр. "50" графически несомненно сходно со знаком,характерным для малоаз.графических систем типа лид.,что согласуется и с наличием таких специфических общих для этр.и лид.письма знаков, как O , ср.также W в лик./для передачи заднеязычного КК в в трилингве/ при графических /но не функциональных/ аналогиях в этр.,анalogии в лик.письме для этр. C || и т.п.

Отмеченные графические сходства,указывающие на общий исходный репертуар графем,бесспорно связаны с продолжением одной культурной традиции,по происхождению малоазиатской,ср. несомненное тождество этр. T ruial "троянский" и лик. tr m ili "ликийский,ликийцы", T rbis /= A vk'ia в трилингве/.Но в языковом отношении этр.традиция при всех и.-е.адстратных вкраплениях продолжает исходную сев.-кавказскую,близкую к хурр./ср. этр. su "1":дагест.*cv этр. zal /sl- "2":дарг.к'шл,цудах.ч'вел; этр. si "3":хурр.ki-g,удин.хи-б; этр. sa "4":авар.-анд.кь-; о шах "5" см.выше; этр. hu "6":рут.ры-хьд и т.п.; ср.также часто сочетающиеся с числительными этр. avil "год":хурр.š-awala "год",сев.-вост.кавк.*š-aw-"год",убых.с*а "год"; этр. ziy "книга":сев.-зап.кавк.tx-"писать",этр.al-"давать" при сев.-кавк.*абл-"давать" и т.п./,тогда как в лик.хорошо сохранилась

исходная и.-е. и анат. система корней числительных /лик. *przzi-* "первый", в том числе, возможно, в конце трилингвы, оставленном Ларошем без перевода; *tu-r̄šme* "двойной", *tbi-plē* "двойной"; *tr-r̄šme*, *tr-rplē* "тройной" и т.п./ при небольшом числе заимствованных морфем, преимущественно, из языков сев.-кавказ. семьи /через хурр. или хатти/; к числу таких заимствований, кроме указанного названия "4", мог относиться способ построения собирательных количественных производных типа лик. *mu-r̄šme*, ср. кабард. *пlырыплI* "по четыре", *блырыбл* "по семи" и т.п.

С.А.Иванов

ОБОЗНАЧЕНИЕ СЛАВЯН КАК ЭТНИЧЕСКОЙ ОБШНОСТИ В "ИСТОРИИ ВОЙН" ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

Плодотворный метод сквозного и всестороннего изучения источника, получающий теперь в исторической науке все большее распространение, наталкивается при исследовании визант. памятников на значительные препятствия. Выход на "клеточный" уровень в византиноведении затруднен слабым развитием вспомогательных дисциплин: отсутствуют не только сводные грамматики, индексы, тезаурусы, но и словники по отдельным авторам, пусть даже самым крупным. В этих условиях исследовать автора — значит одновременно и даже прежде всего составлять картотеку его словоупотребления. Сказанное приложимо и к Прокопию, несмотря на изученность сообщаемых им сведений.

Самое распространенное обозначение этнической общности у Прокопия — *ἔθνος*. Когда историк хочет назвать какой-либо народ, к слову *ἔθνος* в ед.ч. прибавляется имя народа в род.п.мн.ч. /*Ἐρρούλων ἔθνος*, *Ἀλανῶν ἔθνος* и т.д./ Но так бывает не всегда. Иногда к этнониму слово *ἔθνος* присоединяется во мн.ч. Таких случаев в "Истории войн" II /мы не включаем сюда двусмысленные контексты VI, I5, 30; VI, 2I, 4I; VII, I8, 2/. Это мн.ч. легко объяснить, когда стоящий рядом этноним — обобщающий для нескольких племен: *Ὀύννη καὶ ἔθνη* /VIII, 3, 3 5; 4, 7; 5, 27/, *Γοτθῶν καὶ ἔθνη* /I, I, 3/. Таким образом, 5 случаев изымаются из рассмотрения. Еще один контекст, говорящий во мн.ч. о франках /V, II, I7/, мы также склонны опустить, поскольку он взят из прямой речи, а в ней у Прокопия свои законы. У нас остается 5 случаев, когда

слово $\xi\theta\nu\omicron\varsigma$ стоит во мн.ч., но обозначает один народ. Приведем их все: IУ, IО, I2: "Необходимо рассказать с самого начала, откуда племена маврусиев пришли в Ливию". IУ, I3, 27-28: "... Тамашние маврусии овладели страной... к западу... а поблизости от них живут другие племена маврусиев, которыми правил Ортай". Следующие 2 отрывка датируются приблизительно 500 г. и относятся к рассказу о переселении герулов. УI, I5, 2: Герулы "миновали одно за другим все славянские племена". УI, I5, 3: "После них они прошли также и племена данов". УIII, 4, 9: "На север от них сидят бесчисленные племена антов". На основании этого материала можно сделать следующие выводы: I/Внутри каждого из названных племен: маврусиев, славян, данов и антов, существовало дробление на более мелкие этнические общности; 2/Число этих общностей было и у антов, и у славян очень велико - недаром Прокопий говорит о первых $\acute{\alpha}\mu\epsilon\tau\omicron\iota\ \xi\theta\nu\iota$, а о вторых $\xi\theta\nu\iota\ \epsilon\gamma\epsilon\ \xi\eta\varsigma\ \acute{\alpha}\pi\alpha\upsilon\tau\alpha$, как бы подчеркивая, что пройти подряд все славянские племена мало кому удастся; в следующей фразе, повествуя о проходе герулов через территорию данов, он констатирует: $\Delta\alpha\nu\acute{\iota}\nu\ \tau\grave{\alpha}\ \xi\theta\nu\iota$; 3/Несколько $\xi\theta\nu\acute{\iota}\omega\nu$ могли объединяться под властью одного правителя, как это видно на примере маврусиев; в рамках одного племени таких царьков бывало по несколько/ср. IУ, I3, I9/, и каждый из них мог проводить независимую политику. Почти везде у Прокопия анты и славяне выступают вместе, но в приведенных контекстах они фигурируют порознь, причем сами отрывки отделены друг от друга сотнями страниц и 5 годами жизни историка: это, как нам представляется, лишний раз доказывает, что подмеченная закономерность не плод домыслов.

Завершая свой знаменитый экскурс о славянах, Прокопий подытоживает: "Вот примерно как обстоит дело с этим народом". Употреблено слово $\lambda\epsilon\acute{\omega}\varsigma$, встречающееся в "Истории войн" всего I3 раз /еще один контекст, УI, 20, 2I дает форму $\lambda\alpha\beta\varsigma$, и именно этот случай семантически резко отличается от остальных, не представляя для нас интереса/. Что же значит этот термин? Им описываются вещи, на первый взгляд совершенно несходные: население великого Рима и маленькое кочевое племя, объединение народов и армия. Но при внимательном подходе вырисовывается закономерность. Чаще всего термин $\lambda\epsilon\acute{\omega}\varsigma$ обозначает переселяющийся народ, пого-

ловно снявшийся с насиженных мест: евреев, идущих в Палестину /IY, IO, I3/, ханаанитов, бегущих от них в Египет /IY, IO, I8/, готов, мигрирующих в Италию /Y, I6, 2/, германцев, селящихся вместе /Y, I2, I5/. Второе значение близко к первому, это – все мужчины, способные носить оружие, причем опять-таки в момент всенародного переселения /Ш, 8, 26 – маврусии, Ш, 5, I8 – вандалы, Y, I, I2 – готы/. Третье значение описывает население города /П, II, I6 – Апамеи, Y, 22, 5 – Рима/, но не всякого города, а осажденного, и не вообще населения, а в момент всеобщего порыва: в I-ом случае это страх при виде появившейся под стенами персидской армии, во 2-ом – вопль восторга, когда отбит первый готский штурм. Итак *λεῶς* – это термин для описания монолитного единства массы людей /в 7 случаях – переселяющейся массы/, спаянных одной целью. Недаром он употребляется только в ед.ч. Даже когда движется несколько народов /ср. IY, IO, I7/, все равно в момент движения они превращаются из многих *ἔθνη* в один *λεῶς*. В свете этого с особым вниманием следует отнестись к тем случаям, когда народ, сидящий на одном месте, тем не менее назван *λεῶς*. Таких случаев 4. Один – о ливийцах /Ш, I6, 8/ – мы выпускаем, т.к. он взят из прямой речи. Два говорят о готах, в I-ом случае еще за Дунаем /Ш, 2, 6/, во 2-ом – уже в Италии /Y, 24, 27/. И наконец, вышеприведенный отрывок о славянах и антах /УП, I4, 30/, также соединяемых этим понятием воедино. Следовательно, сплоченность и мобильность, имплицированные в слове *λεῶς*, присущи в глазах Прокопия также и славянам.

В.И.Исаева

ФРАКИЙСКИЕ СЮЖЕТЫ У ИСОКРАТА И ДЕМОСФЕНА

Письменные и археологические данные свидетельствуют о давних и прочных контактах между эллинами и фракийцами. В трудах Геродота, Фукидида, Ксенофонта, в речах атт. ораторов хорошо видна важная роль Фракии, особенно фрак. побережья, во взаимоотношениях полисов с внешним миром и между собой. Она особенно возросла в период возвышения Македонии активная внешняя политика которой привела к утрате греч. государствами независимости. В это напряженное для Эллады время проблема Фракии и греч. поселений на ее территории была "горячей точкой" в политичес-

ких дебатах, веским аргументом pro и contra в дискуссиях о внешней политике. Выдающиеся афинские ораторы Исократ/=И./ и Демосфен/=Д./ неоднократно обращались к фрак. сюжетам. Среди греческих источников о Фракии их свидетельства занимают особое место, т.к. не только освещают конкретные события, но и дают некоторое представление о восприятии эллинами Фракии в целом и об особенностях этого восприятия. И. упоминает о Фракии, когда дает свою интерпретацию греч. истории и разрабатывает план установления благоденствия в Элладе за счет покорения негреч. земель. Он неоднократно ссылается на враждебность фракийцев к грекам в прошлом, на мужественное поведение афинян в борьбе с ними, чтобы обосновать право Афин на гегемонию в настоящем. На фракийцев распространяется уже ставшая штампом негативная характеристика варваров, которые ненавидят греков и стремятся поработить их, злоумышляют против Эллады. Для усиления значения победы Афин скифы, фракийцы и персы названы самыми властолюбивыми и могущественными из племен. Фракия включается оратором в план греч. колонизации варварских земель, захват Фракии и Персии должен был, по мнению И., решить наиболее острые экономические и социальные проблемы полисов, предоставить средства к существованию нуждающимся и скитающимся из-за нужды эллинам. Если у И. Фракия фигурирует в основном в картинах прошлого и будущего, то Д. она интересует прежде всего в настоящем, как поле деятельности макед. царя Филиппа, как плацдарм, на котором он накапливает силы и отрабатывает приемы завоевания полисов. Во фрак. политике Филиппа Д. видит модель общей стратегии и тактики макед. царя. Д. подчеркивает значение Фракии и расположенных там греч. поселений в конфликте Эллады и Македонии, призывает афинян оказать помощь своим соплеменникам и фракийцам. Во многих его политических речах настойчиво повторяется мысль о том, что судьба Греции решается за ее пределами, во Фракии, где греч. города ведут борьбу не ради славы или выгод, а для того, чтобы спастись от уничтожения и рабства. Д. постоянно ссылается на хитрость, жестокость и вероломство Филиппа по отношению к фрак. населению, местному и эллинскому, для иллюстрации своего негативного отношения к Филиппу и доказательства нависшей над Грецией угрозы завоевания. В речах Д. также встречается вос-

приятие фракийцев как варваров, но здесь штампы используются, в отличие от И., как правило, для решения внешнеполитических задач. Так, Д. пренебрежительно именуется фрак. поселения тущобами и внушает соотечественникам, что не ради них, не ради проса и полбы, спрятанных во фрак. погребях, македонский царь стойко переносит военные трудности и опасности. Покорение Фракии для него лишь шаг на пути захвата афинских гаваней, верфей, триер, серебряных рудников, а также покорения всей Эллады.

Н.Н.Казанский

ОБ ОДНОМ НАЗВАНИИ ХЛЕБА В ЯЗЫКАХ ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Слово *ἄρτος* засвидетельствовано начиная с крито-мик. эпохи в композите *a-to-ro-qa* "хлебопек", ср. *ἄρτοκόπος* /Hdt. I, 51/. Значение этого слова для воссоздания этнографической картины следует уже из сохранения его вплоть до наших дней, но с переходом из бытового употребления в культовую сферу. Уже у Гомера /Od., XVII, 343; XVIII, 120/ трудно противопоставить по употреблению *ἄρτος* и *βῆτος* "хлеб из пшеничной муки". Слово *ἄρτος* до сих пор не получило убедительного этимологического истолкования. Предложенные сопоставления с перс. *arḥ* "мука" /Пизани/ и баск. *arto*, др.-исп. *artal* "кукурузный хлеб" /Губшид/ противостоят попытке видеть в данном слове производное от *ἀραρίβητι* /Прелл-вигт/. Семантически последнее сопоставление хуже прочих, хотя и сопоставление с перс. *arḥ* также вызывает некоторые сомнения.

Кажется очевидной возможность сопоставить греч. *ἄρτος* с лув. *arsa-* "хлеб" /Kargamis A 11 *a4* /: *wa-tū-tā-*' PAIN *ar-vā-n* METTRE-*wa-hā* "и я положил ему хлеба *arsa-*" /транскр. и пер. Лароша/. Любопытно чисто формальное совпадение вариантов знака №181 лув.-иер. письма, обозначающих ХЛЕБ и , со знаком линейного В № 78 и с №12 письменности Фестского диска , понимавшимся до сих пор/по нашему мнению, ошибочно/ как ШИТ. Совпадение знаков, отчетливо передающих самый предмет, говорит в пользу распространения единого типа хлеба в Эгейде и Малой Азии /а также в Италии, ср. описание у Вергилия, *Aen.*, УП, 107-116, подразумевающее, как и один из лув. знаков, хлеб в форме просфоры/. Для выяснения фонетического соответствия *ἄρτος* ~ лув.-иер. *arsa-*

следует иметь в виду сближение Боссерта лув. *arsa-* и хет. ^{NINDA} *ḫarši-*, что Тышлер считает в высшей степени сомнительным, исходя из субстантивации прилаг. *ḫarši-* "объемистый, толстый". Действительно, если не предполагать, что *ḫarši-* представляет собой результат контаминации данного прилагательного и заимствованного названия хлеба/ср. производное ^{LU} *ḫaršiala-* "человек, приносящий в жертву хлеб"/, от сопоставления этих слов придется отказаться, тем более, что для хет. формы ожидалось бы, помимо отсутствия начального *ḫ-*, еще и *-t-* вместо *-š-*/ср. ряд примеров на соответствие хет. *-t-* лув. *-s-* у Кронассера, Н. ван Брок, Чопа/. Таким образом, фонетическая сторона сопоставления указывает на необходимость реконструкции основы **art-*, сопоставимой с восстановленной Пизани иран. основой **arta-* "мука" /перс. *arḡ*, ав. *aša*/. Далее, можно предполагать, что сюда же относятся и угар. ^a*rt*, которому Айтслейтер придал значение "Gemüse" опираясь на сравнение с др.-евр. ^o*ḡrāh* "Kräuter", что не выглядит особенно убедительным, если рассмотреть текст, где это слово засвидетельствовано: *ḫt/ḫ [ḫ] t / ^art* "страна родит арт". Значение "хлеб" во всяком случае не менее правдоподобно.

Таким образом, основа **art-*, засвидетельствованная в ряде языков Вост. Средиземноморья /откуда в ранний период была заимствована в языки Пиренейского п-ова?/, показывает этнографическое единство данного ареала. Датировать появление этого термина можно было бы промежутком времени с момента экспансии переднеазиатской земледельческой культуры /VI тыс. до н.э./ и до появления в Эгее хетто-лув., иран. и греч. племен.

И. А. Калужская, В. Э. Орел

И. -Е. *е в АЛБАНСКОМ

Разнообразную рефлексацию и. -е. ударного *е в албанском /> алб. *e, ie, je, ja*/ уже не раз пытались объяснить причинами дистрибутивного порядка /Манн, Чабей, Хемп/, однако предлагавшиеся объяснения оказывались неадекватными и не выдерживали проверки материалом. Если оставить в стороне случаи вторичного развития /умлаут, энклитический характер слова и под./, а также рефлексацию в позиции нейтрализации /после палаталь-

ных/, получим следующее распределение. I.И.-е.*е>алб.ia,ja.
 bie "нести" <*bherō, bjeskē "горная местность" <*bherškā,
 diell "солнце" <*dhel(n)ō-, dje "вчера" <*gdhes, djeg "жечь" <
 *dheg^wnō, djerr "уничтожать" <*derrnō, dhjes "сасарь" <*dherk-
 tiō, dhjetē "десять" <*dektī-, jemi "/мы/суть" <*es-mo-,
 mbjell "сеять" <*en-pelnō, miel "дойть" <*melgō, mjedhër "ма-
 лина" <*merd(h)ā, mjekër "борода" <*smekru-, mjell "мука" <
 *meluō, ndiej "чувствовать" <*en-tegniō, ndjek "гнаться" <*en-
 tekō, njeri "мужчина" <*ner-, përpjetē "круча" <*per-petā,
 pështjerë "внизу" <*-tero-, pjek "печь" <*pek^wō, pjerdh "fur-
 zen" <*perdō, qer "шить" <*kerō, rrjedh "капать" <*reghō,
 sjell "вертеть" <*k^welnō, shqer "рвать" <*skerō, shtjell "на-
 матывать" <*stel(n)ō, shtjerrë "баран" <*steru-, tjerr "прясть" <
 *ter(k^wn)ō, tjerë "другие" <*etër-, tjetër "другой" <*éter-,
 th(j)er "чечевича" <*kerō-, vjedh "красть" <*ueghō, vjehërr "све-
 кор" <*suekru-, vjer "висеть" <*suerō, vjeshtë "осень" <*uelstā,
 vjet "год" <*eto-, zvjerdh "отнимать от груди" <*-uerghō.
2.И.-е.*е>алб.ia,djalë "мальчик" <*dhel-, djathtë "правый" <
 *dektī-, fjalë "слово" <*spel-, gjalmë "бечевка" <*gelm-,
 gjanj "найти" <*g^wheniō, jam "я емь" <*esmi, jashtë "вне" <
 *ektī-, mjal(të) "мед" <*meli(t)-, ngjalë "угорь" <*anghel-
 pjalm "тонкая мука", zjar(më) "огонь" <*g^wher(m)-. 3.И.-е.*е
> алб.e.bredh "ель" <*bhrego-, bredh "бродить" <*bredō,
 dre "олень" <*dreni-, dhelper "лиса" <*gelpino-, kreh "причесы-
 вать" <*ghrebhskō, lë "легкий" <*leg^wh-, lej "рождаться" <
 legzniō, lende "желудь" <(g)len-, mbledh "собирать" <*enle-
 gō, ngreh "поднимать" <*engreakō, regj "пропитывать шкуры" <
 *uregniō, rend "бежать" <*ren(t)-, resh "идти/о снеге/", ter
 "сушиться на ветру" <*tersō, them "говорить", verrë "ольха" <
 *chernō, vesh "одевать" <*uesiō, vetë "свой" <*suetō-.

За вычетом ter "сушиться" и rrjedh "капать", для которых
 мы не можем предложить объяснения, рефлексация и.-е.*е подчиня-
 ется простому дистрибутивному закону: после r,l *е сохраняется,
 в остальных случаях /кроме алаутного v-, после которого допус-
 тимы и е,и je/ дает -je-. Соотношение je/ja менее ясно; воз-
 можно, что появление -ja- вызвано расподоблением с последующим
 *-i-.

К ПРОБЛЕМЕ СТРАТИФИКАЦИИ РОМАНСКИХ ЗАЙМСТВОВАНИЙ
В ЛЕКСИКЕ ЯЗЫКОВ БАЛКАНО-КАРПАТСКОГО АРЕАЛА

В данной проблеме, применительно к балк.-карп. ареалу, внимание исследователей чаще всего привлекает аспект, связанный с вост.-ром. влиянием/сводимым обычно к рум./Значительно реже предметом изучения становятся специфические связи балк.-карп. зоны с зап.-ром. языковым миром, прежде всего балк.-карп./=БК/ и аппенино-альп./=АА/параллели, хотя число их, по-видимому, достаточно велико, при этом некоторые из них представлены на обширной территории, другие являются локализмами. Обращение к данным ром. языков за пределами балк. зоны будет способствовать как решению вопроса о направлении иррадиации и конкретных путях проникновения ром. элементов на Балканы и в Карпаты, так и установлению/относительной/хронологии этих элементов в БК ареале, и далее - выяснению степени интенсивности и длительности языковых контактов и взаимодействий. В качестве примеров рассматриваются лексемы, входящие в инвентарь пастушеских терминов. Описываются следующие типы распределения ром. элементов, искомого и неискомного/=неясного/происхождения: а. изоглоссы явлений, объединяющие обе макрозоны, б. изоглоссы явлений, представленных в АА и на Балканах, в. изоглоссы явлений, представленных в АА и, исключительно или преимущественно, в Карпатах.

а. *kVl(∥n)astra "молозиво" и под.; < лат. colastra < colostrā /: -um/ далее неясно/"...termine pastorale di struttura mediterranea" - Battist². АА: ит. colostrā, диал. kolāstra(∥o), kolēstra, koḡbstra и под./AIS №1200/. БК: друм. col(∥r)rast(r)ā, cureastgā и др./ALR I, №208-9/, молд. кораслэ, арум. cul(∥r)astrā(Parahagi), мегл. gulastrā(Capidan), ирум. colast(r)ā(Puşcariu). Из вост.-ром. заимствовано в др. языки: укр. диал. кул[нр]а(й)стра, кол'а́стра/Дзэнд. №171, Stieber №114, мат. ОКДА и ОЛА/, польск. диал. kulastra(Karłowicz), слвц. kurast(r)a, kul'ast(r)a(Machek), чеш. морав. kuřástva(Bartoš), венг. диал. gul(∥r)ászta(MNYTESz), болг. диал. ко(∥у)лас[т]ра/БДР/, макед. гуластра. Однако с.-з. хорв. ко(∥u)-nas(∥z)tra(Skok, Popović) . . . , возможно, из итал., как и алб. kl'oi-štrë, kllotër (Meyer, Mann).

б. *skVta "вид сыворотки, творога"; из вульг.-лат. *ex-costa <

*ex-coctum (<ex-coquere) (Battisti, Skok). AA: ит. scotta, диал. skuta, škŕta, škŕca, škŕtta, škŕga то же, škwéte "творог" /AIS № I2I8-9/. FK: позднее заимствование из итал. диал. - с.-з. хорв. skuta в обоих значениях /Skok/, ср. и словен. skŭta - Pletexnik, Skok. +bajta "хижина/в горах/"; считается дором. словом, далее неясно; параллели: фрак. báita, báitē < греч. βαίτης /> βέτις /, евр. bajth /Skok/; определяется и как кельт. /Gribaudo/. AA: с.-ит. bayta, bayt(o) /AIS № I192/, также юг Франции, Пиренеи - Skok. FK: только зап. хорв. bajta - позднее заимствование из итал. /Skok/, ср. и словен. bajta - Bezlaj. Особый случай - +mandra "вид загон"; возводится к греч. μάντρα /> др.-греч. μάνδρα/, или родств. скр. mandura то же, или заимствование из малоаз. источника /Frisk/; считается также реликтом средиземноморского субстрата /Battisti/ наследием фрак.-иллир. /Mironescu/; из греч. вошло в /вульг./ латынь /Rohlf/. AA: ит. mandr(i), диал. mandra, mantra, mannira, mandria /AIS № I074, I189, I181, I192/, представлено в зап.-ром., ср. исп. mandria - Corominas. FK: практически нет в вост.-ром., ср. лишь друм. mandrē /Парынг - Mironescu/, арум. mandră (Parah.), которые, вероятно, не столько наследие латыни, сколько более поздние заимствования/"балк. грецизм"-Skok /; то же - болг., макед. мандра, с.-з. хорв. манд[э]ра, алб. mandër, mandrë /Meyer, Fjalor/, тур. mandıra. Поздние заимствования из итал. - с.-з. хорв. mendrija, mandrga то же, mandrač "залив" /Skok /, ср. словен. mendrija "загон" - Skok. в. + (d)zVr "виды сыворотки"; неясно; возводится к и.-е. *verg- > лат. serum /Reichenkron, I70-I, Parahagi, Skok / или к дакофрак. пласту/в рум./, от и.-е. *dher- или *dher- /Russu/, тогда AA и BK параллели должны объясняться наследием общего дором. фонда. AA: ит. диал. su zŕcu, el zŕr, il tsŕri, tsër, tsīr и под. /AIS № I2I8-9/. BK: только вост.-ром. данные - друм. (d)zăr (ALR sn N420, 418), молд. зэр /ЛМ №27/, арум. dzăr /Parahagi/, мегл. zăr, zŕr /Caridan/, ирум. zer, ŕor /Pușcariu, Skok/; из вост.-ром. вошло только в языки карп. ареала/исключение - болг. диал. зър, Видин/: укр. диал. дзер /КДА № 95, Дзенд. №171, мат. ОКДА/, польск. dzer, слвп. dzër "вид сосуда для молока" Mashek /. Ср. хорв. žur "сыворотка" - позднее итал. заимствование /так же - словен. žur/a/, žŕr/a/ - Skok/.

КОНТАКТЫ НАСЕЛЕНИЯ КАРПАТО-ДУНАЙСКОГО МИРА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ - РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Вопросы взаимосвязей Сев.Кавказа и Балкан по-прежнему актуальны в кавказоведении.Цель настоящего сообщения - обратить внимание на ряд археологических данных,доказывающих наличие таких связей на протяжении более,чем 2000 лет.

В культуре карпов,одной из групп населения гето-дак.круга,в памятниках II-III вв.н.э.обращают на себя внимание ряд бронзовых зеркал с петлей сбоку и рельефным орнаментом на оборотной стороне в виде соллярных и тамгообразных значков.Такие зеркала известны у сарматов Поволжья,но особенно они характерны для сарм.периода в культуре населения Ц.Кавказа - потомков носителей кобанской культуры/П.Рау,М.П.Абрамова/.Не исключено,что появление подобных зеркал в культуре карпов связано с миграцией какой-то группы населения сев.-вост.Кавказа,возможно,в составе сарм.объединения.Основанием для такого предположения служит факт находки в памятниках карпов вместе с кавк.зеркалами глиняных усеченно-конических площадок-курильниц с ручкой,украшенных по тулову круглыми налепными комочками глины.Поразительно близкие по форме и орнаментации площадки составляли характерный,специфически локальный атрибут погребального ритуала в могильниках вост.варианта позднекобанской культуры UI-III вв. до н.э.в сев.-вост.Чечне.Форма таких курильниц доживает здесь без изменений до сарм.эпохи/В.Б.Виноградов,В.И.Марковин/.

Неслучайный характер взаимосвязей между двумя регионами подтверждают единичные,но достаточно выразительные предметы еще более раннего времени.Это импорты или подражания импортным образцам UI-IV вв. до н.э.,известные как на Сев.Кавказе,так и в ареале фрак.культуры.Таковыми на Сев.Кавказе являются бронзовая стрелка-монетка/могильник "Сосновая горка" в Кисловодске/,бронзовая уздечная бляшка в виде зооморфной свастики /Галайтинский могильник в Чечне/ и бронзовые фибулы с верховий Кубани.Особо обращают на себя внимание именно фибулы из Теберды,специфически локальная разновидность фибул зап.варианта позднекобанской культуры.Особенность фибул состоит в форме иглодержателя,не имеющей аналогий в синхронных кобанских пред-

метах этой категории. В то же время тебердинские фибулы чрезвычайно близки по всем морфологическим признакам фрак. фибулам У-ІУ вв. до н.э. Появление их на Сев. Кавказе не зафиксировано, но заимствование формы, несомненно, отражает какие-то связи, может быть, обменного характера.

Как результат воздействия кобанской культуры на фрак., мы рассматриваем появление у них в УІ-ІУ вв. до н.э. железных удили, соединенных накрепко с псалями, украшенными конскими головками/типа обнаруженных в могильнике Фериджиле/. Только в кобанской культуре не позже УІІ в. до н.э. известны бронзовые удила близкой конструкции, но с петельчатыми поалями, украшенными рельефно моделированными головками коней /Кобанский могильник/.

Не исключено, что с кавказско-балк. взаимоотношениями следует связывать сурьмяные височные кольца в I,5 оборота и с грибовидной нащепкой на одном конце. Они известны в памятниках У-ІУ вв. до н.э. на территории Венгрии, Болгарии и Словакии, но не связаны генетически с культурами этих районов. Самые близкие аналогии они находят среди таких же височных колец, но более ранних, найденных в погребениях УІІ в. до н.э. зап. варианта кобанской культуры/Березовский могильник в Кисловодской котловине/. О связях кобанской культуры с культурами фрак. гальштатта еще более определенно свидетельствуют археологические материалы УІІІ-УІІ вв. до н.э. В Болгарии среди фрак. древностей давно выявлена группа предметов/фигурки птиц и животных/чрезвычайно близкая кобанским. В древностях Трансильвании некоторые предметы УІІІ-УІІ вв. до н.э. воинского и конского снаряжения/конноголовые скипетры, биметаллические кинжалы, псалии с конскими головами/рассматриваются западноевропейскими и советскими исследователями как результат контакта населения Подунавья со степным миром Сев. Причерноморья и через него - с Сев. Кавказом.

Такие контакты прослежены и на материалах конца ІІ - рубежа ІІ-І тыс. до н.э. На поселениях и в могильниках позднебронзового века Балкан и Сев. Кавказа все больше обнаруживается так много сходного в вещевых находках /биконические корчаги, сосуды с налепным орнаментом, глиняные модели колес, пинтадеры оп-

ределенных форм, каменные и роговые поделки, бронзовые предметы трансильванской металлургической группы, орнаментированные пиксиды/, что вряд ли возможно удовлетворительно объяснить только регулярными контактами менового характера. Речь, вероятно, может идти и о каких-то этнических включениях. Это тем более допустимо, что в культурах северо-западных районов Поднепрорья и Прикарпатья в конце II — начале I тыс. до н.э. засвидетельствовано проникновение раннегалльштаттской культуры/А.И.Мелюкова, Г.И.Смирнова, В.Л.Лапушнян/. В определенной мере развитие таких разносторонних контактов стимулировалось активной мобильностью степного населения Сев. Причерноморья.

Е.Е.Кузьмина

О БАЛКАНСКОМ ИЛИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ ПУТИ МИГРАЦИИ ИНДОВЕРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ

Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов предложили новую гипотезу происхождения и.-е.: прародина и.-е. локализуется в Передней Азии, откуда волны и.-е. мигрировали в III—II тыс. до н.э. через Центральную Азию и Сев. Прикаспий в Сев. Причерноморье. Новая гипотеза требует тщательного пересмотра археологических данных. Рассмотрение вопроса о путях миграции и.-е. из Передней Азии на археологическом материале сводится: I — к вопросу о времени и путях заимствования достижения переднеазиатской цивилизации в сев. Прикаспии и Причерноморье; 2 — к проблеме археологического отражения миграций.

I. а/Некоторые исследователи допускают, что в сложении мезолитических культур Вост. Европы и Ср. Азии принимало участие пришедшее из Передней Азии население, принесшее микролитическую традицию обработки камня/А.А.Формозов, Н.О.Бадер, А.В.Виноградов/. б/В V—IV тыс. до н.э. в евразийской степи-лесостепи сложились 2 большие общности: кельтеминарская в Ср. Азии и Прикаспии к востоку от р.Урал и мариупольская от Днестра до Урала. Экономика кельтеминарцев до конца III тыс. до н.э. оставалась присваивающей /А.В.Виноградов, Г.Ф.Коробкова/, что снимает гипотезу В.Н.Даниленко об определяющей роли Ср. Азии в становлении производящего хозяйства в Вост. Европе. в/На мариупольской основе

на Украине сформировалась среднестоговская культура, в Поволжье — родственная ей ямная, позднее простершаяся от Урала до Дуная /Н.Я. Мерперт, Д.Я. Телегин, М.Б. Васильев/. Ямная культура явилась субстратом ряда генетически связанных культур Вост. Европы эпохи бронзы /полтавкинской, срубной и др./ г/ Производящая экономика распространилась в южнорусских степях на Мариупольском этапе и развилась на ямном. Определяющую роль в этом процессе в У—IV тыс. до н.э. сыграли контакты с балкано-дунайской зоной, откуда были получены злаки, крупный и мелкий рогатый скот и металл /Н.Я. Мерперт, Д.Я. Телегин, А.А. Формозов, В.И. Цалкин, В.И. Бибилова, Н.В. Рындина, Е.Н. Черных/. В III тыс. до н.э. активизировались связи степей с Кавказом, документируемые ямными погребениями у Кавказского хребта, памятниками типа Староселье и Михайловка II на Днепре, Монстантиновка на Дону и распространением кавказского металла и повозок в степи. д/ Таким образом, достижения переднеазиатской цивилизации распространились в Вост. Европе не через Ср. Азию, а через Балканы и Подунавье, а также через Кавказ, причем Сев. Прикаспий входил в южнорусский ареал, в котором развитие культур эпохи неолита не прерывалось существенными инвазиями извне.

2. а/ Миграция из передовой зоны древневосточной цивилизации III—II тыс. до н.э. в более отсталую зону евразийских степей должна археологически отражаться как колонизация, сопровождающаяся распространением комплекса материальной культуры прародины. б/ Сев. периферию цивилизаций переднеазиатского круга в III—II тыс. до н.э. составляли Шарфия, Маргиана и Бактрия. Севернее простирался ареал евразийских степных культур, принципиально отличных от переднеазиатских по генезису и хозяйству. в/ В археологических комплексах на севере Ср. Азии и Прикаспия, ни, тем более, Причерноморья нет никаких следов колонизации из Передней и Ср. Азии и Ирана; нет даже определяющих культурных воздействий. Напротив, с XIII в. до н.э. прослеживается инфильтрация за Урал элементов культур катакомбной и многоваликовой керамики, а с XV в. до н.э. — продвижение на юг Ср. Азии и в Афганистан разных групп срубного и андроновского населения /Е.Е. Кузьмина/. г/ Другое направление миграции из степей шло в Подунавье и на Балканы/ погребения с охрой/, но, вопреки М. Гимбутас и В.Н. Даниленко, это была не массовая экспансия ямников, разрушивших зем-

ледельческие культуры, а постепенная инфильтрация небольших групп среднестоговского, ямного и срубного населения /Н.Я. Мерперт, Э.Комша/ д./Таким образом, направление миграции шло не из Передней Азии в Причерноморье, а в противоположном направлении; кроме того, из Причерноморья в Подунавье, и во II тыс. до н.э. — через Сев.Прикаспий на юг Ср.Азии. Эти археологические данные должны учитываться при установлении путей миграции и.-е.; в свою очередь, они указывают на необходимость диахронического подхода к языковым фактам.

Г.Г.Литаврин

СЛАВЯНЕ МИСИИ И МАЛОЙ СКИФИИ ДО ПРИХОДА ПРОТОБОЛГАР АСПАРУХА

Совокупность имеющихся в настоящее время в распоряжении исследователей данных археологии, лингвистики и письменных источников позволяет отдать предпочтение гипотезе, согласно которой славяне поселились в Мисии и Малой Скифии в первой половине II в. Они представляли 2 крупных славянских объединения к северу и северо-востоку от Дуная, "склавинов" и "антов", и их переход на правый берег реки был связан с обострением борьбы этих групп славян против Аварского каганата. Основным письменным источником, дающим представление о социальной и общественно-политической организации славян в Мисии и Малой Скифии в период от поселения здесь до прихода протоболгар, является отрывок из "Хронографии" Феофана Исповедника, датированный 679—680 гг. Стилистическая сложность соответствующих фраз пассажа и многозначность некоторых терминов, употребленных здесь автором, обусловили существенные различия как в переводе, так и в интерпретации данного текста в современной научной литературе. Пытаясь обосновать собственное понимание синтаксической структуры отрывка и опираясь на краткое известие о тех же событиях "Бревиария" патриарха Никифора и перевода-интерпретации младшего современника Феофана Анастасия Библиотекаря, мы пришли к следующим выводам, гипотетичность которых, разумеется, неизбежна при данном состоянии источников:

а/Основное слав. политическое объединение /Славиния/ в Мисии, носившее самоназвание "Семь родов"/а не "Семь племен", как

еще порой утверждается/, было создано до перехода славян через Дунай, еще на правом его берегу. Вполне вероятно, что эта Славиния сохранила и после переселения ее главных сил на юг от Дуная часть своей территории в левобережье реки. б/Славиния "Семь родов", видимо, вскоре после переправы через Дунай вступила в договорные отношения с империей и получила статус федератов, обязанных нести пограничную службу. в/Отнюдь не все славянские поселения Мисии и Малой Скифии входили в объединение "Семь родов". г/Северы входили в состав объединения "Семь родов", но присоединились к этому союзу позже других племен, скорее всего — уже на территории к югу от Дуная. д/Славяне союза "Семь родов" и в качестве федератов империи находились во враждебных отношениях с Аварским каганатом, е/Территория, занятая славянскими федератами империи, не считалась интегральной частью земель империи, находившихся под "ромеиским управлением".

Новый совместный анализ на современном уровне науки филологами и историками известий о ранних славянах греко-латинских памятников может привести, несомненно, к углублению наших знаний об исследуемой эпохе.

А.И.Мелькова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ФРАКИЙЦАХ НА ЗАПАДЕ И ЮГО-ЗАПАДЕ СССР В I-ОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н.Э.

По общему облику материальной культуры, а также по большинству слагающих ее элементов фрак.племени отличались от других народов древнего мира и, что особенно важно, от тех, с которыми они жили рядом и вступали в более или менее тесные контакты. Это и позволяет выделять фрак.памятники на территории нашей страны среди одновременных им киммерийских и скифских и считать их свидетелями присутствия фракийцев на западе и юго-западе СССР в I тыс. до н.э.

Наиболее ранние памятники фрак.культуры относятся к X—VIII вв. до н.э. Они занимают часть зап.Украины до р.Збруч и лесостепные районы Молдавии до Днестра. Зап.-укр.памятники принадлежат ранним фракийцам, продвинувшимся в эти области из Потисья/Г.И.Смирнова/. Молдавские памятники неоднородны. Среди них имеется группа довольно близких, но не тождественных зап.-украинским,

происхождение которых пока не установлено, и группа памятников, появление которых можно связывать с движением на север фрак. племен из Нижнего Подунавья. В степи, где по данным античной письменной традиции вплоть до УП в. до н.э. господствовали киммерийцы, фрак. поселения и погребения X—УШ вв. до н.э. отсутствуют. Лишь на самой границе, у г. Измаила известно фрак. поселение УШ—УП вв. до н.э. Все остальные памятники степного Сев. Причерноморья вплоть до Дуная связаны по происхождению с носителями срубной культуры, продвинувшимися сюда из-за Волги и Дона в середине II тыс. до н.э. Это обстоятельство не позволяет присоединиться к мнению тех исследователей, которые склонны считать киммерийцев или какую-то их часть фракийцами по этнической принадлежности. Существование связей киммер. племен с фракийцами устанавливается на основании находок на поселениях степного Сев. Причерноморья X—IX вв. до н.э. и в погребениях X—УП вв. до н.э., особенно в пограничных с фракийскими землями сев.-зап. Причерноморья, типичной фрак. керамики и сосудов, подражающих фракийским. Однако в течение всего предскифского периода /X—УП вв. до н.э./ фрак. влияние на культуру киммер. племен было слабо заметным. Гораздо сильнее оно сказалось на материальной культуре соседних с киммерийцами племен лесостепных областей Вост. Европы. Лощеная керамика, некоторые особенности домостроительства и погребальный обряд племен чернолесской культуры УШ—УП вв. до н.э. имеют много общего с теми, которые характерны для одной из групп фрак. памятников лесостепной Молдавии. Возможно, это объясняется проникновением какой-то части фрак. населения с территории Молдавии далее на северо-восток, в Днепро-Днестровское междуречье. Но особенности памятников чернолесской культуры не позволяют видеть в населении, составившем их, фракийцев.

В УП—У вв. до н.э. на земли Зап. Украины, занятые фрак. населением, продвинулись потомки племен чернолесской культуры из Днепро-Бугского междуречья, видимо, частично вытеснившие фракийцев. Оставшаяся на месте часть фрак. населения вскоре была ассимилирована пришельцами. Такой вывод следует из того, что археологические памятники среднего и отчасти верхнего Поднестровья УI в. до н.э. дают сочетание элементов, характерных для памятников правобережного Поднепровья, и черты, свойственные фрак. куль-

туре. На территории лесостепной Молдавии не наблюдается резкой смены культур, вплоть до конца III в. до н.э., а это позволяет предполагать, что фрак. население продолжало жить здесь и в скифский период. Отдельные скифские погребения VI и V—IV вв. до н.э. открыты на территории лесостепной Молдавии, позволяют говорить о проникновении скифов—кочевников в фрак. среду. Пребывание скифов и связи с ними способствовали распространению у фракийцев предметов скифского вооружения, конского снаряжения и звериного стиля. Но в целом влияние скифской материальной культуры на фрак. население лесостепной Молдавии было гораздо менее ощутимым, чем на племена лесостепной Украины. К IV в. до н.э. наблюдается значительное увеличение количества поселений и возникновение большого числа городищ на всей территории лесостепного Днестро—Прутского междуречья. По всем данным археологические памятники этой территории IV—III вв. до н.э. тождественны тем, которые соответствуют гетам письменных источников. В степных областях Сев.—Зап. Причерноморья до конца III в. до н.э. господствовали кочевые скифы, хотя уже в IV в. до н.э. наблюдается проникновение небольшой части гето—фрак. населения до Днестра и даже на левый берег этой реки. Но на левобережье нижнего Поднестровья пребывание кочевых скифов фиксируется по археологическим памятникам вплоть до I в. до н.э. Очевидно, река Днестр оставалась пограничной между гетами и скифами до времени похода Биребисты до Ольвии. В греч. городах Сев.—Зап. Причерноморья — на Березани, в Ольвии, Никонии и в их округе присутствие элементов фрак. материальной культуры наблюдается в слоях, соответствующих началу существования этих пунктов и особенно 2-ой половине IV—I вв. до н.э. Оно объясняется проникновением фракийцев в состав населения греч. городов и поселков/К.К.Марченко/. Однако это явление связано со спецификой колонизационных процессов и жизни греч. городов в Сев. Причерноморье.

Н.Я. Мерперт

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА БАЛКАНАХ НА РУБЕЖЕ
ЭНЕОЛИТА И РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

Во 2-ой пол. IV тыс. до н.э. Балкано—Дунайский район, наряду

с другими областями Вост. и Центральной Европы, был охвачен значительными событиями, заметно изменившими культурную характеристику этой части континента. Изменения фиксируются по всем археологическим показателям /топография памятников, облик поселков, домостроительство, каменная индустрия, металлургия и металлообработка, керамика и прежде всего ее орнаментация, культовые изделия, искусство, погребальный обряд и пр./ Они носят комплексный характер, что позволяет предполагать не только внутреннюю трансформацию, но и определенные этнические сдвиги. Было резко нарушено более чем двухтысячелетнее развитие связанных определенной преемственностью раннеземледельческих культур. Возникнув в раннем неолите /VI тыс. до н.э./, последние развивались относительно стабильно и достигли наибольшего распространения в энеолите /IV тыс. до н.э./, когда целая система взаимосвязанных, а в ряде случаев и родственных, культур охватила значительную территорию Балкан, Подунавья, Сев.-Зап. Причерноморья /Караново VI - Гумельница, Салькуца, Винча-Плочник, Бубани-Хум I, Кукутени-Триполье, Петрешти, Лендьел, Бодроккерестур и др./

Исходной территорией европейской раннеземледельческой ойкумены был Балканский п-ов, основными направлениями расширения ее были север, северо-запад, северо-восток. Соответственно, эти направления были основными как для расселения самих раннеземледельческих групп, так и для диффузии их экономических и культурных достижений. Обратные воздействия в периоды неолита и энеолита были минимальны, что обусловлено резким контрастом между южной зоной, где господствовали уже производящие формы экономики, и северной зоной, куда эти формы лишь начинали проникать при сохраняющемся доминанте присваивающего хозяйства. Столь же заметное преобладание южной зоны в процессе взаимодействия населения отмеченных периодов фиксируется и для прочих областей активных контактов древнейших центров производящего хозяйства со смежными степными и лесостепными территориями /здесь достаточно показательны неолит и энеолит Кавказа и юга Ср. Азии/.

Начало раннего бронзового века Балкано-Дунайского района знаменовало конец всей указанной системы раннеземледельческих культур. Ее сменила новая система, отмеченная минимальными показателями преемственности с предшествующей и связанная с совер-

ненно иными культурными традициями. Территориально она еще значительнее первой системы. Ее составляют Баденская культура Ср. Подунавья, Чернавода I-III, Челей, Коцофени, Фолтешти и группы "скорченных и окрашенных погребений" в Нижнем Подунавье, Бубани-Хум II в Сербии, памятники типа Крйтсона II, Ситагрой IV-V, и Дикили Там I/EB I-CI/в Македонии и Сев. Греции, ранний бронзовый век Болгарии /Эзеро, Караново УП, Кирилло-Мефодиево, Эзерово и др./, Эгейского бассейна/Полиохи, Терми/ и Сев.-Зап. Анатолии /Кумтепе, Троя I-II/. Весьма близки ей культура Рживнац в Словакии и Усатовская культура в Сев.-Зап. Причерноморье. Сложны, но несомненны, исторические, а в конкретных случаях и генетические связи этой системы с такими значительными культурными массивами, как культура шаровидных амфор, культуры шнуровой керамики, наконец, ранние скотоводческие культуры каспийско-черноморских степей. Процесс формирования этой гигантской системы предполагает как взаимодействие и определенное сближение ряда исторически связанных групп населения, так и наличие первоначальных импульсов, определивших культурную трансформацию и направленность распространения ее на Балкано-Дунайский район.

Распространенные в прошлом поиски подобных импульсов в Анатолии, и прежде всего в Троеде, находятся в резком противоречии с данными последних раскопок и соответствующими хронологическими построениями. Решающие контакты с Анатолией, определившие появление на Балканах земледелия, постулируются для значительно более раннего времени - VI тыс. до н.э./и то как одна из гипотез/. Раннеземледельческие культуры Балкано-Дунайского р-на с самого их начала отмечены глубоким своеобразием и аналогий в Малой Азии не имеют. Свидетельства контактов для V-IV тыс. до н.э. минимальны и резко возрастают лишь к концу последнего с формированием отмеченной выше новой системы культур. Однако в этой системе Троеда является территориально ограниченным вост. форпостом, не имеет местных корней и занимает отнюдь не наиболее раннюю хронологическую позицию. Основные и территориально наиболее значительные культуры данной системы локализуются на европейском континенте, где фиксируются ранние звенья их, а следовательно и первоначальные импульсы. Последние связаны с заметной активизацией исторической роли центрально- и вост.-ев-

роейских групп населения, воспринявших производящую экономику и выработавших новые формы ее. К этим группам перешел теперь доминант во взаимодействии с раннеземледельческими племенами южной зоны, переживавшими в конце энеолита определенный внутренний кризис. Соотношение между зонами резко изменилось. И именно центрально- и вост.-европейские элементы характерны для новой системы, прежде всего для ранних ее звеньев.

Процесс создания новой системы носил весьма динамичный характер. Наряду с оседлыми земледельческими коллективами, в нем значительную роль играли подвижные скотоводческие племена, обусловливавшие реальный контакт между многочисленными группами населения и культурную интеграцию на огромных пространствах. К северу от Черного моря такая "контактная непрерывность" и культурная интеграция прослеживаются в степной полосе от Подунавья и Центр. Европы до Кавказа и Прикаспия/древняя культурно-историческая область/. К югу от него элементы новой системы распространяются с запада также вплоть до Кавказа. Создается огромная циркумпонтийская зона, отмеченная в конце IY—III тыс. до н.э. особо активными контактами/что уже подчеркивалось Е.Н. Черных для конкретных культурных проявлений, прежде всего металлургии/ и многочисленными переселениями различных масштабов и в различных направлениях. Эта зона включала и исконные земледельческие области, и степь с ее ранним развитием скотоводства /в том числе коневодства/ и транспортных средств, и ряд горных массивов/прежде всего Карпаты и Балканы, восточнее же — горы Анатолии и Кавказа/. Ряд сформировавшихся внутри зоны центральноевропейских, степных, балкано-дунайских, анатолийских культурных общностей может быть связан с процессом становления конкретных групп и.-е. Вместе с тем, зона находилась в непосредственном контакте с ареалами южнокавказского и семитского языков и областями древнейших культур Ближнего Востока.

А.А. Молчанов

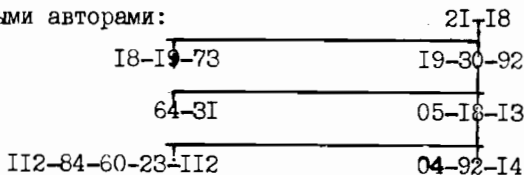
МЕТОДИКА РАБОТЫ С МИНОЙСКИМИ ТЕКСТАМИ.

ДЕШИФРОВКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Произведенная М.Вентрисом дешифровка линейного письма В не только позволила прочесть древнейшие греч. тексты 2-ой пол.

II тыс. до н.э., но и создала основу для плодотворного исследования памятников письменности Эгиды догреч. периода. Прогресс был достигнут в первую очередь в изучении крит. лин. письма А, многие знаки которого отождествляются с происходящими от них силлабограммами лин. В. Довести до конца дешифровку текстов лин. А, составленных на миноиском/догреч. критском/языке не удается прежде всего из-за того, что не доказано родство этого языка с каким-либо другим /выдвигавшиеся гипотезы о его и.-е. или семитской принадлежности не получили надежного обоснования/. Суммирование тех фактов, которые выявлены при прочтении надписей лин. А и работе с греч. реликтовой лексикой, позволяет составить более ясное представление об особенностях мин. языка с его характерной фонетической структурой СГСГСГ. А это в свою очередь должно помочь успешному применению этимологического метода для полной дешифровки и интерпретации документов лин. А/пока распознается содержание лишь хозяйственных табличек с инвентарными списками и перечнями имен/. При этом следует, видимо, уделить больше внимания вероятному сходству мин. языка с дои.-е. субстратными языками Малой Азии и родственными им. Дешифровка других видов мин. письма находится еще на начальной стадии, когда достаточно надежные результаты можно получить лишь комбинаторным путем.

С помощью детального эпиграфического и структурного анализа одной из самых больших крит. иер. надписей – легенды восьмисторонней печати из собрания Эпмолеанского музея – устанавливается значение отдельных групп иероглифов 04-92-14, 05-18-13, 19-30-92 как имен мин. династов. Эти имена составляют генеалогическое перечисление, строящееся с помощью блока знаков 73-12 со значением "сын", на основе которого с привлечением надписей на других печатях реконструируется в 4 поколениях родословная царей Кносса СМ II В – СМ III А периодов, причем прослеживаемый в данной династии порядок престолонаследия находит аналогии в крит. мифолого-исторической традиции, сохраненной античными авторами:

Хотя новых чтений знаков не предлагается, смысл многих сфрагматических легенд в целом проясняется: их основное содержание составляют имена и титулы правителей. Другой пример того, как благодаря комбинаторному анализу общая интерпретация текста способна опережать дешифровку, дает рассмотрение самого большого кипро-мин. текста на табличке из Энкоми 1953 г. Наблюдения над его структурой заставляют видеть в нем погодный список членов некоей магистратской коллегии.

Комбинаторный анализ оказывается единственно возможной методикой и для проникновения в смысл текста Фестского диска. Местное критское происхождение диска подтвердили находки 2 образцов той же письменности в Аркалохори и Фесте, а также тщательное изучение иконографии отдельных ее знаков. Направление чтения/справа налево/безошибочно определяется по особенностям композиционного оформления и технического выполнения штампованной надписи. Статистические подсчеты указывают на слоговой, по преимуществу, характер самой системы письма, сходной во многих отношениях с др. силлабариями мин. типа. "Смешанная" надпись на секире из Аркалохори служит доказательством применения и лин. А, и письменности Фестского диска/мин. иератического силлабария/ для фиксации речевых форм одного и того же языка. Формальный грамматический разбор текста позволяет видеть в знаке 02 детерминатив личных имен. То, что прототипом 02 послужил сакральный династический символ, заставляет считать его детерминативом имен мин. династов. В результате в тексте обнаруживается ряд таких имен /A1, A5, A8, A10, A12, A14, A16, A17, A19, A20, A22, A23, A26, A29, B1, B3, B11, B17, B28/. Последние же сопровождаются словами, отождествляемыми с топонимами Крита/A2, A6, A9, A11, A13, A15, A18, A21, A25, A28, A31, B2, B5, B12, B18, B29, B30/. Т.о. появляется возможность построить искусственную билингву/многие из древних мин. топонимов встречаются в кносских документах лин. В/, что знаменует собой начало как дешифровки, так и интерпретации текста Фестского диска. Из топонимов, известных по документам лин. В, читаются сначала KO-NO-SA/SI, A-MI-NI-SA/SI и TU-RI-SA/SI, а затем PA-I-TA, A-PA-TA-WI, DA-WI и KU-DO-NI-? Подстановка полученных значений силлабограмм ведет к прочтению других слов текста, в том числе LI/например, SA-TU-RI, известного ахтичной традиции крит. царского имени/.

Весь текст диска, содержащий список критских династов рубежа СМ III – IМ I периодов, может быть интерпретирован как священный договор или другой коллективный акт религиозно-политического характера.

Ю.В.Откупщиков

О ФРАКИЙСКО-МАЛОАЗИЙСКОЙ ОНОМАСТИКЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Негреч. антропонимика и топонимика Сев. Причерноморья до сих пор преимущественно интерпретировалась на базе иран. языков. Методика исследования сводилась, в основном, к отысканию подходящего этимона в источниках и словарях, начиная от "Авесты" и кончая современными иран. языками. Замена иран. материала индийским/гипотеза П.Кречмера–О.Н.Трубачева/ в плане методики исследования мало что меняет по существу ввиду известной близости индо-иран. языков. Словообразовательный анализ причерноморской ономастики чаще всего сводился к тому, что тот или иной суффикс объявлялся "иранским". В частности, наличие иран. суффикса *-ak-* заставило отнести к числу иран. ЛИ *Арбаракос*/Пантикапей, Танаис/, к осет. *ǎldar* "старший, вождь". Однако суфф. *-ak-* встречается в антропонимике самых различных языков, и решать вопрос о его языковой принадлежности можно лишь с учетом той словообразовательной системы, в которой этот суффикс функционирует. Наряду с формой *Арбаракос* в Сев. Причерноморье засвидетельствованы имена *Арбарос* и *Арбарискос*. Все эти формы естественно входят в обычную фрако-малоаз. словообразовательную систему, нашедшую свое отражение в ономастике. Ср. "Авса г. Фракии – "Авсага г. Фракии – *Ἰσσοράκος* фрак. ЛИ; *Αηη* малоаз. ЛИ – "Ахара г. Писидии – *Αχαρακα* г. Карии; *Αρβος* малоаз. ЛИ – *Αρβαρος* – *Αρβαράκος*. Во всех этих случаях/количество которых можно значительно увеличить/ на первичный суфф. *-p-* наслаивается вторичный суфф. *-k-*, а древность модели подтверждается наличием ЛИ *a-sa-go* / "Асбарос, фрак. ЛИ *Ἰσσοράκος*/ в крито-мик. табличках. Формы *Арбаракос* и *Арбарискос*, из которых в словообразовательном плане 1-ую Л. Згуста считает иранской, а 2-ую греческой, представляют собой обычные варианты некогда диминутивных образований, надежно засвидетельствованных в эгейском/преимущественно, фрако-малоаз./

ареале. Наиболее яркие примеры вариативности этих суффиксов:
Ἄρτακος = Ἀρτίσκος / название одной и той же реки во Фракии /,
Ζάληκος = Ζαλίσκος / р. в Пафлагонии / . К той же модели относятся
производные фрако-малоаз. Ли Παπος – Πάπακος и Παπίσκος, а также
засвидетельствованные в Пантикапее имена Βατάκις и Βατίσκος.

Эти и многие другие примеры, которые невозможно привести
в кратких тезисах, свидетельствуют о том, что значительный про-
цент антропонимов/и топонимов/ с суффиксом *-ακ-* берет свое на-
чало не в иранском, а в эгейском мире. И вообще среди негреч. имен
Сев. Причерноморья весьма значительный слой составляли имена
фрако-малоаз. типа, и многие из имен, традиционно считавшихся
иранскими, следует признать фракийскими или малоазийскими.

В.Э.Орел

БАЛКАНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. I. СЛАВ. *осѣтъ

Общеславянское название уксуса *осѣтъ: ст.-сл. оцѣтъ, оцѣть,
болг. оцет, макед. оцет, с.-хорв. оцат, словен. ócet / из южнослав. заим-
ствовано в рум. oțet /, польск., чеш., словц. ocet, др.-русск. оцѣть,
оцѣть, русск. оцет, укр. оцет, блр. воцет, — давно определено как за-
имствование, источник которого видят либо в лат. acētum "кислое
вино, уксус", либо в гот. akeit- "уксус" / из лат. /; обоснование см.
Shevelov 1964, p. 302; Popović 1961, .592; Фасмер и др. Однако,
объяснение *осѣтъ из лат. acētum, интерпретируя *-с-* как резуль-
тат 2-ой палатализации, встает в тупик перед загадочным лат. ē >
слав. *-ь-*: ожидалось бы *осѣть или, более вероятно, *оситъ, притом
с иным местом ударения. Эти сложности и привели к необходимо-
сти рассмотреть версию о слав. *осѣтъ < гот. akeit-. Здесь, впрочем,
возникает та же проблема ударного вокализма, которую обходят,
предполагая влияние гот. *akid- из лат. acidum / Стендер-Петерсен /,
или утрату фонологического противопоставления в позднем гот.
/ Семереньи /, что поставило бы *осѣтъ в один ряд со ст.-сл. пѣта
и цркън. Оба толкования, как нетрудно заметить, содержат порочный
круг, основываясь на фактах, реконструируемых, чтобы объяснить
безударный вокализм в *осѣтъ. Единственное реальное преимущест-
во объяснения из гот. в том, что оно снимает вопрос о месте уда-
рения.

Для решения этой этимологической проблемы полезным может

оказаться привлечение новых данных, прежде всего алб. (i) *athët* "кислый, кислосладкий", для которого принята и. - е. этимология < *аѣ-/Мейер/, формально допустимая, но сомнительная в силу полной изолированности слова в алб. материале. Поэтому целесообразно рассмотреть два вопроса: а/ об отношении алб. *athët* к слав. *осѣтъ; б/ об отношении алб. *athët* к лат. *acētum*, гот. *akeit-*. а/ Состояние, предшествовавшее алб. *athët*, раннеалб. **atsät-* /с редукцией во 2-ом слоге вообще говоря любого гласного/ может служить идеальным источником слав. *осѣтъ в плане фонетических соотношений. Если учесть совпадение места ударения в обоих словах и факт отсутствия заимствований из слав. в алб. в таком консервативном виде, мысль о заимствовании из раннеалб. в слав. с дальнейшей экспансией слова по всей слав. области, как и в ряде других случаев /**korčun-*, *(v)*atra* / становится весьма вероятной. б/ Категорически исключается возможность заимствования в алб. из лат.: на месте лат. -с- перед гласным переднего ряда ожидалось бы алб. -q-, ср. *qendër* "центр", *qer* "лук", *qytet* "город". Кроме того в алб. сохранилось бы и место вульг.-лат. ударения. Иначе обстоит дело с гот. *akeit-*, где место ударения соответствует алб., а долгое *ei* 2-ого слога закономерно должно было дать раннеалб. **ē*. Наконец, положительно решается и вопрос о передаче позднего гот. -k- перед переднерядным гласным через раннеалб. *tš*, поскольку палатальное произношение -k- в этой позиции удостоверяется слав. передачами типа ца́та и под., где ц- необъяснимо как последствие 2-ой палатализации/см. ЭССЯ 3, с. 199/. Таким образом, тождество гот. *akeit-*: раннеалб. **atsät-* является полным. Сказанное позволяет заключить, что перед нами - еще один случай раннеалб. посредства между /балк./вост.-герм. и слав.; ср. в качестве другого примера болг. грив, о котором, как и о проблеме распространения такого рода заимствований в слав. ареале, см. подробно в другом месте. Что касается семантики, то, признав закономерной эволюцию в алб. "уксус" → "уксусный" → "кислый", мы должны напомнить, что в новоалб. это обозначение было вытеснено новообразованием /от греч. *ὄξος*/. Пополнение новым материалом наших сведений о раннеалб. -/балк./вост.-герм., и далее - славянских связях может изменить традиционный взгляд на характер и масштабы этих контактов.

К ИСТОРИИ СКИФОВ В ДОБРУДЖЕ. ПО СВЕДЕНИЯМ ОВИДИЯ

Живя в начале I в.н.э. в ссылке на территории современной Добруджи, Овидий в своих поэтических посланиях в Рим наряду со многими другими этнонимами довольно часто — около 30 раз — упоминает скифов. Так, поэт, по его словам, приезжает в Скифию, разрезая кормой корабля скифское море; страдает от скифского климата, от жестокого скифского мороза; стремится покинуть скифские пределы, быть подальше от "скифского врага", тяготясь жизнью среди скифских стрел, окруженный скифскими племенами; вокруг него звучит почти только фрак. и скифская речь, т.к. улицы города заполнены скифской чернью и одетыми в штаны гетами; шлет в подарок другу стрелы в скифском колчане; не желает быть похороненным в скифской земле и т.д. Такое обилие скифских наименований в понтийских произведениях Овидия приводит многих исследователей к заключению о наличии в окрестностях Том в начале н.э. реального скифского населения /Р.Бульпе, А.Штайн, Н.Ласку, Р.Гандева, М.Мунтяну и др./ При этом приводятся археологические, эпиграфические и нумизматические свидетельства пребывания скифов на правом берегу Нижнего Дуная с IY по I вв. до н.э., а также сведения о скифах в этом районе в произведениях др. античных авторов, синхронных Овидию или поздних.

Заметим прежде всего, что материал, предоставляемый нам археологией, эпиграфикой и нумизматикой и свидетельствующий о скифах в Добрудже, относится весь к более раннему времени, нежели начало н.э. Сопоставление сведений Овидия с данными Страбона, Мелы, Плиния и Птолемея, будто бы подтверждающими наличие скифов здесь в начале н.э. и позже, грешит уже тем, что при этом не учитывается компилятивный характер работы этих авторов, при котором весьма многие из привлекаемых свидетельств не могут рассматриваться как синхронные времени написания этих сочинений. Слова Плиния о скифах-пахарях /IY, 44/, на которые чаще всего ссылаются как на доказательство наличия скиф. населения даже в середине I в.н.э., недвусмысленно говорят о далеком прошлом: "Все это пространство раньше занимали /τεπιῶγε/ скифы, называемые пахарями..." Однако решающим аргументом против скифского присутствия в Добрудже во времена Овидия является сам характер упоминаний

скифов в его произведениях. Бросается в глаза, что собственно этнонима скифов, *Scythae*, в понтийских посланиях мы не встретим ни разу, в отличие от названий сарматов и гетов. Те несколько случаев, когда приложение скиф. эпитета к людям, населению, племенам и языку могло бы свидетельствовать о наличии реального скиф. этноса в окрестностях Том, при ближайшем рассмотрении обнаруживают метонимическое, поэтико-тенденциозное употребление этого имени. Контекстуальный анализ всех упоминаний скифского этнонима в сочетании с изучением принципов художественного отображения действительности в томитанском творчестве поэта показывает, что наименование скифов выступает у него как традиционное, лишенное почти всякого этнографического содержания понятие, имеющее скорее географическое, в рамках поэтической географии, и этическое /скифское=типично варварское/ наполнение. Скифские "декорации", будучи поэтически правдоподобными, позволяли Овидию переносить на Тома многие хорошо известные римлянам черты "скифского" климата, варварства и т.д. с целью придания описаниям местной жизни максимально мрачного колорита и наиболее эффективного воздействия на эмоции своих римских адресатов.

Д.С. Раевский

К ПРОБЛЕМЕ СИСТЕМНОСТИ СКИФСКОЙ МИФОЛОГИИ

Полноценное постижение культуры скифов, как и культуры любого архаического общества, невозможно без исследования присущей им мифологии. Методику ее реконструкции диктует принадлежность скифов к бесписьменным народам, определяющая специфику скиф. мифологических "текстов". В этих условиях принципиальное значение имеет толкование проблемы системности мифологии.

В литературе высказывалось мнение о неправомерности толкования скиф. мифологии как системы, поскольку в скиф. обществе нет оснований предполагать упорядочивающее жреческое творчество в этом направлении. Это мнение основано на смешении 2 в корне различных по самой природе явлений: с одной стороны, сознательных попыток жречества свести в единый священный непротиворечивый повествовательный цикл многообразные, зачастую гетерогенные сюжеты, составляющие арсенал какой-либо мифологии; с другой стороны, имманентно присущего любой мифологии системного харак-

тера как неперемного условия ее существования в качестве формы общественного сознания. В условиях устной культуры эта системность проявляется в существовании предела варьирования ее мотивов, предохраняющего ее обозначимое содержание от растворения в хаосе индивидуальных фантазий и обеспечивающего сохранение инвариантного ядра при всем многообразии конкретных реализаций. По сути, реконструкция мифологии как системы и есть реконструкция этого ее инвариантного ядра.

Вопрос о том, в каких памятниках запечатлена скиф. мифология, должен рассматриваться на различных уровнях. Если трактовать мифологию исключительно в духе тезиса "там, где нет повествования, нет и мифа" /Дж. Фонтенроуз и др./, круг таких памятников ограничивается небольшим числом разрозненных сюжетных фрагментов из произведений античных авторов о скифах и немногочисленными сюжетными изображениями как греч., так и местной работы. Но если подходить к мифологии как к "тотально господствующему способу глобального концептирования" /Е. М. Мелетинский/, то круг содержащих мифологическую информацию "текстов" скиф. культуры должен быть признан значительно более широким.

Сущность мифологического моделирования мира чаще всего видят в отождествлении начала и принципа, в описании явления посредством повествования о его происхождении. В таком случае уловить моделирующую функцию мифологии вне повествовательных текстов этиологического характера затруднительно. Представляется правомерным перейти к анализу этой функции с позиций истории познавательных процессов и трактовать мифологию как проявление "ситуационного" способа классификации явлений внешнего мира. Этот способ, основанный на введении классифицируемых явлений в единую наглядно-практическую ситуацию, и в онтогенезе, и в социально-исторической перспективе предшествует понятийно-категориальному /А. Р. Лурия/. Мифическое повествование в таком случае следует понимать как развертывание во времени статичных ситуаций- "картин", конструируемых с целью классификации элементов мира. Такое толкование сущности мифологического моделирования, проясняя механизм формирования мифических сюжетов, перекликается с толкованием А. А. Потебней мифического повествования как "дальнейшего развития" простейшей мифической формулы, мифического

представления. Изложенный подход особенно результативен при исследовании бесписьменных культур прошлого, поскольку позволяет прямо соотносить повествовательную мифологию, лишь фрагментарно сохраненную "косвенными"/инокультурными/источниками, со структурой различных аутентичных для этих культур несловесных текстов: сооружений, комплексов погребального инвентаря, декора всевозможных материальных объектов и т.п., вскрывая в них одни и те же "структурные конфигурации" и выявляя сущность мифологии как — по формулировке Е.М.Мелетинского — "души единой, однородно семиотизированной культуры".

Э.А.Рикман

О НАЧАЛЕ РАССЕЛЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТАХ СЛАВЯН В КАРПАТО-ДУНАЙСКИХ ЗЕМЛЯХ

1. Этнические процессы в конце античности и начале средневековья в Нижнем Подунавье не могут быть поняты без изучения роли в них славян. 2. В научной литературе начало расселения славян в упомянутом регионе относят то к первым векам, то к V-VII вв. н.э., причем в последнее десятилетие ученые больше склоняются ко второй точке зрения. Ареал расселения славян в первых столетиях н.э. определяется крайне туманно. 3. Данные о славянах-вестедах или антах, приурочиваемые к рассматриваемому региону, в некоторых случаях спорны: по географической локализации/Тацит, Иордан/, по датировке/"Слово о полку Игореве", несколько топонимов Нижнего и Ср. Подунавья/. 4. Достоверны сведения о готско-слав. и римско-слав. языковых контактах и упоминания славян-вестедов в Певтингеровых таблицах, которые я отношу к III в. н.э. Эти факты свидетельствуют о расселении славян рядом с зоной обитания вестготов и с римскими дунайскими провинциями. 5. Некоторые исследователи считают черняховскую культуру конца II-IV вв. н.э. материализованным воплощением контакта славян с Римом. Однако с таким взглядом согласиться нельзя. Слав. компонент в черняховской культуре невелик. Это установлено сопоставлением ее памятников с достоверными слав. памятниками V-VII вв. н.э.: отдельные сходные черты тонут в массе различий обеих культур. Данные лингвистики и антропологии также препятствуют представлению о том, что славяне значительной массой заселяли Нижнее Подунавье. 6. Таким об-

разом, хотя в III-IV вв. н.э. расселение славян в Нижнем Подунавье и их первые контакты с обитателями этой зоны начались, но интенсивность их была невелика; она заметно усилилась в V-VII вв. н.э.

Л.А.Сараджева

К ЭТИМОЛОГИИ АРМ. *kašatax* "ОСИНА"

Арм. *kašatax*(i) "осина" встречается в классич. арм. уже в V в. Одни исследователи приводят для *kašatax* значение *Populus tremula*; другие - *Populus alba*. Относительно происхождения этого слова было высказано несколько мнений. Р. Ачарян считал источником арм. слова урартский язык, к которому непосредственно или опосредованно восходят и др. сходные названия, распространенные на Кавказе, например, рутул. *kałaxi*, лакск. *kałax* и др. Ачарян допускает также, что источником всех указанных форм может быть мидийский, откуда иррадиировали урарт., арм. и другие кавказские формы. Г.Б. Джаукян указывает на дак. название платана *καλαμίνβαρ* и вместе с ним возводит арм. *kašatax* к и.-е. источнику через какой-то язык кентумного типа. Помимо указанных параллелей бросается в глаза сходство арм. *kašatax* с др.-инд. *kuṣhikāṅ* и слав. **čerъxa* - *Fraxinus radus*. Мы склонны предположить субстратное дои.-е. происхождение не только для арм., фрак., др.-инд. и слав., но, если прав Р. Ачарян, для урарт. или мид. слов. В пользу этого предположения говорят, в частности, следующие факты: а/ слова с суффиксами *-ax*, *-ex*, *-x*, *-ox* и подобные им в лат. и греч. выявляются как формы долат., догреч., относящиеся к определенным семантическим группам, обозначающим виды флоры или фауны. Если иметь в виду суфф. *-ax* в арм. *kašatax*, то для всех этих слов можно предположить то же происхождение, что и для греч. *ῥοῦβαξ* "латук", *σῦκαξ* "род дуба" и т.д.; б/ другой характерной чертой дои.-е. субстрата является чередование плавных l:gv базисах: *cala/cara*, *talla* "земля"/*tara* и др./ср. арм. *kašatax*, др.-инд. *kuṣhikāṅ*, слав. **čerъxa*. О том же свидетельствуют и хетт. лексемы с близким значением: *kałanna* - "топливо, дрова", ^{GIS} *kałmišana*-, ^{GIS} *kałmi*- "полено", ^{GIS} *kałmiš*- "загнутый авгурский жезл". Сюда же фонетически сходное хетт. *kałgara* "гора", если принять во внимание, что элементы семантического соотношения "гора"- "лес" в известном смысле равнозначны.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНИХ ТЮРКСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В
ЯЗЫКАХ КАРПАТО-БАЛКАНСКОГО АРЕАЛА /ПО МАТЕРИАЛАМ ОКДА/

Др.-тюрк.элементы в языках карп.-балк.ареала являются результатом длительных контактов населения этой зоны с тюрк. народами и межъязыковых связей внутри и вне ареала. Древнейший период карп.-балк.-тюрк. контактов относится к IV-V вв., времени гуннского нашествия, существования Аварского каганата и булг. государства до прихода венгров в Вост. Европу, когда население Карпат находилось в непосредственном контакте с аварами, булгарами, хазарами. Непосредственные контакты с тюрками имели и венгры, кочевавшие в степях Юго-Вост. Европы, т.е. на западе тюрк. языковой территории. Изучение тюрк. влияния на языки карп.-балк. зоны, как правило, велось в направлении исследования тюркизмов в отдельных языках. В настоящее время актуально сравнительное изучение тюркизмов этой зоны, прежде всего, выявление индекса древних тюркизмов и установление ареалов распространения лексем. Примерами могут служить венг. *harang* "колокол", рум. *haring* то же/из венг./, венг. *karan* "котел", рум. *caran*, при блр., укр. казан и под., др.-чув. *bišig* > венг. *böicső* "колыбель" и некоторые др.

На основе материалов ОКДА можно выделить некоторые общие типы изоглосс. 1. Изоглоссы, охватывающие весь карп.-балк. ареал с выходом за его пределы на восток: укр., русск. товар, с.-хорв. товар, польск., словц. *tovar*, ср. алт., тел., леб., тар. табар - тавар, уйг., тур., чаг. табар; укр., русск. табор, польск., рум. *tabor*, венг. *tábor*, с.-хорв. табор, ср. чаг. дабкур, тапкур, тур. диал. тапкур, крым.-татар., тур. табур. 2. Изоглоссы, охватывающие карпатский ареал; основной посредник при передаче тюркизмов - венг. язык: венг. *szakáll*, польск., словц. *sakal* "борода", ср. уйг., тур., тат. сакал; венг. *vályú*, польск. *walab*, чеш., словц. *válov*, с.-хорв. вáлов, укр. валів, молд. улук "корыто для корма скота", ср. тат., башк., уйг. улак "желоб". 3. Изоглоссы локального характера: польск. *tlumacz*, укр. диал. тлумач, ср. укр. толмач, венг. *tolmács*, русск. толмач, ср. чаг. тылмач, тур., тат. тылмач.

ЭТНОНИМЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Общезвестна значимость в героическом эпосе различных народов повествований о сражении героя или героев с чужеземными племенами, примером чего может служить гомеровский эпос. В подобных случаях само содержание эпоса предопределяет наличие в нем большого числа этнонимов. Последние обычно употребляются в прямом историко-географическом значении, обозначая название одного племени, совокупности племен или того и другого одновременно/ср. "ахейцы"/. В эпосе этноним становится фактом художественного текста, а потому сам выбор этнонимов, их количество и распределение обладают определенной эстетической значимостью. Употребление огромного числа этнонимов неизмеримо расширяет рамки действия гомеровских поэм, превращая отдельный эпизод из жизни племен Эгеиды в событие почти космического масштаба. Этноним часто становится основой поэтического вымысла, поскольку в процессе исторического развития этимология этнонима обычно затемняется, и он не раз этимологизируется заново: см. например, многочисленные этимологии в сколках к "Илиаде" и "Одиссее". Одним из художественных приемов является смешение исторически реальных и вымышленных этнонимов, различное соотношение между которыми создает определенный стилистический эффект. Особый интерес представляют те случаи, когда у одного племени, народа оказывается несколько названий, явившихся результатом исторического развития, пространственных миграций, изменений в мифологическом религиозном сознании. Различные аспекты проблемы этнонимов в поэтическом тексте можно показать на примере употребления 3 этнонимов греков в гомеровских поэмах: *'Αχαιοί*, *Δαναοί*, *'Αργεοί*. Причиной сохранения именно этих этнонимов считается их просодическая неравноценность, в силу которой они удержались в дактилическом греч. эпосе. Что касается их поэтической дифференциации, то отмечается наибольшая частотность этнонима *'Αχαιοί* и что именно с ним употребляются те эпитеты-формулы, которые у Гомера характеризуют прежде всего внешность ахейцев: густоволосые, меднобронные, пышноножные... Наиболее трудно определить различие в употреблении *'Αχαιοί* и *'Αργεοί*, т.к. вполне естественно, что название *'Αργεοί*, обозначающая главное племя в объединении ахейцев, часто употреблялось ме-

тонимически для обозначения всех ахейцев, ср. употребление слова "русские". Однако во многих случаях контекст свидетельствует о том, что поэту важно именно название *Ἀχαιοί* и употребление его диктуется не метрикой, а семантикой этнонима. Этноним *Δαναοί* употребляется в поэмах гораздо реже, что может быть свидетельством его более определенного стилистического употребления. Действительно, этот этноним встречается при торжественных обращениях к ахейцам, при описании побед ахейцев, в сочетании "герои данайцы"/этноним *Ἀχαιοί* употребляется в сочетании "народы ахейцев", "сыновья ахейцев"/ и в др. случаях, во многих из которых мы можем определить значение этнонима *Δαναοί* как более высокое стилистически, чем *Ἀργεῖοί* и *Ἀχαιοί*. Таким образом, значение указанных этнонимов имеет несколько планов: реально-исторический, историко-мифологический, поэтико-ритмический, поэтико-стилистический. Подобные аспекты в значении и употреблении обнаруживаются и у других этнонимов: *Τρῶες*, *Δάρβανοι*.

В.Н.Топоров

ДР.-ГРЕЧ. *Σπάρτη* И ФРАК. SPART-

Историческая топонимия Греции обнаруживает много неясностей. К их числу принадлежит и название главного гророда Лакедемонии, трактуемое как этимологически неясное/Фриск: "Appellativische Ved. unbekannt; mithin ohne Etymologie"; Шантрен: "étymologie obscure"/. Основная сложность, действительно, заключается в неизвестности соответствующего апеллатива. В этой ситуации уместно обратиться к анализу анлогичного комплекса spart-, имеющего вполне бесспорную отнесенность к фрак. языку и распространенного как топоним и особенно антропоним как во Фракии, так и за ее пределами/Боспор, Малая Азия, Египет, Рим/. Речь идет о ЛИ *Σπάρτακος*, выступающем в связи с обозначением правителей Боспора Киммерийского из династии Спартокидов, знаменитого вождя восстания рабов в Италии, ряда лиц в греч. и лат. эпиграфике последних веков до н. э. и первых веков н. э. Не менее интересны соответствующие МН. Ср. *Σπάρτακος*, *πολις Θράκης* /St. Byz./ или *Σπάρτωλος* город в Боттии/Македония, ср. этникон *Σπάρτωλος*/, фрак. *Sparthon*, S(p)arto и т. п., а также *Σπάρτη χώρα*, *Σπάρτων ἔρος*, о которых подробно сообщает Стефан Византийский /583, 15/. Во всех этих случаях исходный эле-

мент *spart-*/формы *Враг/а/а-*, *Врод-* и т.п. вторичны и объясняются или особенностями позднефраг. фонетического развития, или чужезычными влияниями, см. Влахов/. Существенно определить значение этого элемента. Это можно сделать, найдя соответствующий апеллатив и, следовательно, решив этимологическую загадку имени *Σπάρτ-*. К сожалению, выдвигавшиеся до сих пор предложения или ошибочны /лат. *spargis*, -из "кодь", др.-в.-нем. *spreg* и др./ или лишены удовлетворительной мотивировки/др.-греч. *σπείρω* "свиваю", *σπάρτον* "святая, скрученная веревка" и т.п., Дечев/ и отсылают лишь к дальним соответствиям. Вместе с тем существует целый круг лексем, обнаруживающих полное и бесспорное формальное тождество с *Σπάρτ-*. Прежде всего речь идет о балт.**spart-*, отраженном во всех балт. языках: лит. *spartūs* "обильный", "плодородный"/особенно в старых источниках/, "быстрый", "скорый", "живой", "интенсивный", "энергичный", "деятельный"; *spartà* "скорость", "быстрота", *spartis*, *spartūmas*, *spartiūlis*, *spartėti* "ускоряться", "становиться быстрее", *spartinti* и т.п.; лтш. *spars* "сила", "размах"/из **sparts*?; ср. однако, *sparūties* "усердствовать", "проявлять рвение" и т.п./; прусск. *sparts* "mächtig", *spartin* "сила", *spartisku*, *spartint* "усиливать". Прусск. примеры и иерархия смыслов в лексеме *spart-* в лит. убеждают, что с этим элементом связывалось значение обилия и силы как проявления плодородия, спорости, некоего жизненного избытка. Смысловой слой, связанный с обозначением быстроты, скорости, несомненно, вторичен: он может быть объяснен в свете такой параллели, как слав.**sprogъ* "спорый", обозначающей как "обильный", "сильный", "зрелый", так и "спорый", "скорый". Обращает на себя внимание то, что имя *Σπάρτακος* относилось к числу излюбленных царских династических имен, видимо, с положительной семантикой, о чем косвенно свидетельствуют другие имена одрисских или боспорских правителей, поддающиеся этимологизации/ср. *Σπάρτακος καὶ Παύριβαβης*, где 2-ое имя объясняется как иран. сложное слово "обеспечивающий изобилие" и, следовательно, фактически синонимично I-ому имени/. В самой яркой /и практически единственной/ характеристике вождя рабов Спартака о нем говорится, как об *ὁ ῥόδιον ὑρόνικα μέγα καὶ βίητιν ἔχων*, Flut. Ст. 8, 3, т.е. подчеркивается сила, мощь, крепость, именно те свойства, которые кодируются корнем **spart-*. Фрако-балт. параллели в связи с этим элементом имеют

продолжение и на топонимическом уровне: *Σπάρτη κίβρι* точно соответствует лит. *Spartū kairas* в обоих своих членах/**spart- & *kōi-* *šā* /. Существенное расширение этимологический контекст элемента **sparč-* получает при обращении к формам без расширителя корня *-t-*: лит. *sparčs* "пружинистый", "упругий", "гибкий", "бойкий, живой", "бережливый", *sparčas* "стропило", "подпорка", "стойка", "опора", *sparči* "подпирать", "пружинить" и др. и особенно слав. **sprož-*: словен. *srbč* "обильный", "питательный", с.-хорв. *spōr* "медлительный" /← "неповоротливый" ← "тучный" /, "длительный", болг. *спор* "прибыль", "урожай"; чеш. *sprož* "крепкий", "коренастый", "схатый", "населенный", "плодородный", "бережливый" / ср. *sprožiti* "сберечь" /, "емкий", словц. *sprož* "щедрый", "обильный", н.-луж. *sprož* то же, но и "бережливый", в.-луж. и польск. *sproż*; русск. *спорый* "удачный", "выгодный", "успешный", блр. спор "успех", "прибыль", укр. *спорий* "быстрый", "успешный", "объемистый" и т.п. Как внутренняя реконструкция семантики слав. **sprož-*, так и данные внешнего сравнения / ср. лат. *pro-erigus*, др.-инд. *srahā-* и т.д. / приводят к выводу, что элемент *sproč-* кодировал понятия полноты, набухания-распухания, прибыли, избытка, а также обозначал и сам символ избытка, ср. слав. **sprož-* *užь*, **sproč-už-* и под.: русск. спорышка, спорышок "двойчатка ореха", блр. *Спарыш*; русск. *Спорыш*, спорышенчик как обозначение мифологического и ритуального персонажа / см. *progrg-* /, духа обилия, избытка, урожая, который появляется в песнях жнивного цикла. Та же лексема обозначает и растение, значение которого мотивируется как "обильное", "многоплодное", ср. словен. *sprož* "*Verbena officinalis*", с.-хорв. *spōriš* "тысячелистик" / но и: *spōr* ! /; чеш. *sprož*, словц. *sprož*, польск. *sprożysz* и т.д.; русск. *спорыш* "*Polygonum aviculare*", укр. *спорыш* и т.д. Наличие растения с такой семантикой его названия неизбежно приводит к тому, что само растение становится одним из символов многоплодности, избытка / чрезмерность обильняет и "ухудшение" семантики слова, ср. спорышенок "уродливое ячико", "выносок", "запороток" и др. / Наличие триады типа **sprož-* *užь* "зрелость", "обилие": *Sprož* *užь*, персонифицированный избыток : **sprož-* *užь*, растение, символизирующее плодородие, позволяет искать 3-ий член / вегетативный / и к фрак. паре **sparč-*: *Σπάρτακος*. Его можно видеть в др.-греч. *Σπάρτος* "дрок", "шильная трава" / *Spartium junceum*, используемая для плетения корзин и вития веревок /, редко

σπάρτη, ср. также **σπάρτον** "альфа или эспарто"/многолетняя трава, употребляющаяся для плетения/; "жгут из дрока", "веревка", "канат" и т.п. В свете сказанного выше эти слова /кстати, позже заимствованные в лат., ср. **spartum** "шильник" и др./могут быть сопоставлены как с реконструируемым фрак.***spart-**, так и с балт. словами этого корня /конечно, сюда же относятся и тох. А **spartu** "клок волос", "пучок", "локон", "кудрявые волосы", "бахрома", "затейливый", "вычурный", **spartw-**, **sparsw-** "скручивать", "сгибать", "скатывать" и т.д., ср. тох. В **spart-**; к семантической мотивировке - "то, что изогнуто, скручено, свито, сплетено" - ср. лат. **sporta** "корзинка", "плетенка" и т.п./ Значения **σπάρτος, -ου** также отсылают к семантическому полю плодородия, обилия жизненных сил. Дрок/**σπάρτος**/ является, как известно, одним из обычных и ярких символов производительной силы /ср. растение дрок и дрок "неистовство", "ярение". Весной на скотину нападает **дрок** и т.п. или "La Ginestra o il fiore del deserto" Леопарди/. Можно добавить, что вообще растения с длинными стеблями, кистями, используемые для плетения и витья /к ним как раз и принадлежит дрок - **σπάρτος**/, выступают в мифопоэтическом сознании как символы умножения, увеличения, укрепления, образы возрастающего изобилия.

В этом контексте и название Спарты/**Σπάρτη**/ обретает новые возможности для объяснения/впрочем, в виде шутки **Σπάρτη** сравнивалось с **σπάρτον, -ίου** уже в классической древности: Kratinos frg. II O K I. 49 у Poll. X, 186 и Aristoph. Av. 815 ; ср. Schol. Eustath. Il. 294, 33; Od. 1394, 52; У. фон Виламовиц-Мёллендорф выдвинул мнение о том, что Спарта названа "nach dem Riedgras des Eurotas ", но оно не было принято/. Новыми являются, пожалуй, указание на наличие целого ряда топонимов и гидронимов типа фрак. **Σπάρτη κίμη** и **Σπάρτον ὄρος** или лит. **Spartai, Spaitas**, осознание общности и распространенности такого принципа названия и семантической мотивировки местных и водных названий и выдвигаемая здесь гипотеза, суть которой сводится к тому, что элементом **Σпарт-** некогда могла обозначаться **река** /ср. мифопоэтический образ реки как переплетения потоков, свивания струй/, протекающая у города и известная как **Εὐρώτας**. Это др.-греч. название реки можно, видимо, толковать как сочетание **εὖ-** "хорошо" и глагольного корня **ῥιω-**, связанного

как с семантикой силы, здоровья /ср. *βύννυμι* "усиливать", "напрягаться", "быть здоровым"/, так и с семантикой бурного, быстрого движения /ср. *βίωμαι* "быстро двигаться", "стремиться" и т.п./ И в том, и в другом случае *Εἰρύτας* через свои значения /"исполненная большой силы, энергии" или "бурно, быстро бегущая" река/ соотносился бы с лексемами корня **spart-*, обозначающими /напр., в балт. языках/ и силу, энергию и быстроту, скорость. Тем самым названия *Εἰρύτας* и *Σπάρτη* могли бы толковаться как синонимы, как взаимный перевод друг друга. В этих условиях естественно думать, что этимологически и словообразовательно ясное для греков название *Εἰρύτας* могло быть калькой ставшего непрозрачным названия *Σπάρτη*. Следовательно, название *Σπάρτη* должно было принадлежать или архаичному слову греч. языка, живая связь с которым была уже порвана, или, что вернее, некоему общему для Южной Греции и Фракии субстрату /этот последний вариант решения пока практически неотличим от варианта заимствования из фрак. или какого-нибудь третьего языка в др.-греч./ То же относится, разумеется, и к *σπάρτος*, -ου.

О.Н. Трубачев

INDOARICA В СКИФИИ И ДАКИИ

Проводимые мной исследования индоарики в Сев. Причерноморье отражены к настоящему времени с разной степенью полноты/или скорее краткости/ в десятике статей, вышедших или написанных за последние 5 лет. Перечисление их заняло бы много места. Отозвалась и критика, так что возобновился диалог по этому заглушему было вопросу индоевропеистики. Что пишут критики? В.П. Шмид в принципе одобряет мою попытку доказать наличие индоар. северопонтийского субстрата – языка с сохранным этимологическим я, хотя он относится скептически ко многим моим индоар. этимологиям, не уточняя при этом – к каким именно/W.P.Schmid. – *Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altica. Bd. 12. Festschrift für W. Schlachter. Wiesbaden, 1979, S. 269*; мое сближение топонимов *Sita*, *Σιτάκη* с др.-инд. *setu-* "мост" Шмид, однако, там принимает и даже использует его для хронологизации, предполагая эпоху около 500 г. до н.э., когда дифтонги уже монофтонгизировались/. Не могу пожаловаться на отсутствие внимания со стороны австрийских критиков. М. Майр-

хофер называет мою концепцию "überkühn" (M. Mayrhofer. — Die Sprache, 24, 1978 = Indogermanische Chronik, 24 а 137/, Х.Д. Поль — "sehr kühn" (H. D. Pohl. — Österreichische Namenforschung, 7, 1979, 2, S. 24/, хотя последний и находит в ней рациональное зерно /"ein Körnchen Wahrheit" / и выражает мне признательность за проделанную массу работы по сбору фактов. Говоря обобщенно, оппоненты допускают скорее древнее наличие иран. диалектов с сохранением этимологического в. Что же касается вскрытых мной случаев, ярко отличных от собственно иранского в плане словообразования/суффикс. -in-, -r, ср. *Νιχαξιν, Teagin, Узре* / и лексико-семантического инвентаря / *Asandi* — др.-инд. *āsandā*, *Давбачи* — *Dandaka*, МАИТАИ — индоар. переднеаз. *Maīta-nni*, Бравлинь — др.-инд. *ṛgavīṇa*, *Βουτουατος* — *Bhūtanātha* — *Махабава* — *Mahādevā* и др.; кстати, семема "великий бог", выраженная в последнем, реализовалась бы по-ирански иначе, как *mazabaga- или *sturbaga- /, то критики избегают о них говорить или предполагают, что это все-таки не индоар., а только "очень похожий" на него архаический иран. диалект. Все это напомнило мне японскую сказку, которую я читал в детстве, — сюжет забылся, да он для меня и не важен, зато запомнился парадокс-концовка. Один человек рассказывает, что видел странную змею. Он настаивает на том, что это была змея, только она была толстая, как бочка, и короткая, как бочка, на что ему резонно отвечают: "Ну, а если она была и толстая, как бочка, и короткая, как бочка, значит, это и была бочка!" Перевес одних или других дифференциальных признаков не остается без последствий для нашего определения всего явления в целом.

Исследование индоар. субстрата /не говоря о трудно локализуемых вполне конкретных случаях, относимых вообще к "Скифии"/ охватило собственно Синдикку на Таманском п-ове, меот. Приазовье, Крым и его тавр. население и "Старую Скифию"/Геродот; она же Синдская Скифия, Плиний/, примыкающую к Таврике с северо-запада. О тавр. реликте ΣΑΣΤΗΡΑ в гражданской присяге Херсонеса /Ш в. до н.э./ в связи с др.-инд. *śāstrā* — "священная книга" уже писалось /ВН 1979, №4, с. 29 и сл./ В другом месте сделана попытка объяснить Дигрица, имя почтенного херсонесца/Сказ. об обретении мощей св. Климента/, через греч. *Διγριτζ(ς)* из формы, близкой др.-инд. *dvījā* — "дважды рожденный". Еще 2 новых культурно-бытовых терми-

на, видимо, индоар. происхождения из "Скифии"/геогр. "Сарматии"/, без дальнейшей географической приуроченности, можно видеть в латинских словах *prosedamum* и *rhesoma* :...*arietibus quoque et hircis segnioribus in potu dari, et a Sarmathia equis ob absiduum laborem pigrioribus in coitu, quod vitium prosedamum vocant* (Plin. Nat. hist. XXVI, 98; ed. C. Mayhoff) "/корень сатирикона/дается в питье ленивым баранам и козлам, а в Сарматии лошадям, неохотно идущим на случку из-за непрерывной работы, каковой порок называют *prosedam-*". Кажется, естественным сблизить это туземное слово в записи *prosedam-*/минус латинская флексия/с др.-инд. *pra-sā-da* м.р. "спокойствие, отсутствие возбуждения"/Упанишад/; в Индии известно также в функции ЛИ. Структура этого приставочного сложения ясна; иран./скиф./соответствие должно было бы иметь вид **fra-hada-*, что очень напоминает перс. ЛИ *Farhad*, для которого, правда, предполагают другое происхождение. Далее, Plin. Nat. hist. XXXVII, 128: *Rhesoma* adfertur ex iis quae supra Pontum sunt regionibus, radix costo nigro similis, minor et rufior paulo, sine odore, calfaciens gustu et adstringens "рекома привозится из областей, находящихся далее Понта. Корень ее похож на черный кост, меньше и несколько более красный, без запаха, а на вкус обжигающий и вяжущий". Можно только гадать о том, что это было за растение, однако реконструкция индоар. **rek(h)umā* кажется допустимой, собственно **rek(h)umā*, ср. др.-инд. *rekha* "полоса, царапина", *rikhāti* "царапать" и *umā* "лен"/высказываемые предположения о ней, — е, заимствовании в др.-инд. *umā* неубедительны ввиду связей с лит. *ūmas*, о которых в др. месте/.

Более конкретно локализуется в "Старой Скифии"/имя скиф. царя *Καβούιδας* (Diog. Laërt.), брата Анахарсиса, которое мы этимологизируем как индоар. **kad-vida-*, ср. др.-инд./эпич. санскр./ *ko-vida* "опытный, знающий", где *ko-* — вар. к *ka-*, *ku-*, *kad-* — усилит. мест. Весьма симптоматичны связи имени *Ἰδάνδυρος*, Иданфирс, ЛИ царя скифов/времен похода Дария/ из одного и того же рода носителей неиран. имен Савлий, Гнур, Анахарсис. *Ἰδάνδυρος* наиболее правдоподобно реконструируется как др.-инд. **idam-trsa* "это/или:столь/жаждущий"; вместе с тем очевидна связь с названием более зап. племени *Ἰράνδυρος*, которое поэтому едва ли может иметь чисто фрак. этимологию. Ср. сюда же народ Тоурси кирилло-мефодиевской

традиции /а может быть, все-таки и тиверцы?/ в том же зап. секторе Сев. Причерноморья. Вопрос об отношении агафирсов и населении "Скифия" недостаточно исследован. Агафирсы обитали в Трансильвании, в непосредственной близости к дакам. Остается предположить гибридное $\text{Ἀγαφίρσοι} < \text{aga-tirva-}$, где 2-ой /индоар./ компонент /см. выше/ соединен с дак. $*\text{aga-} < *\text{augo-}$ с палеобалк. развитием $*\text{au}$ а, ср. сюда алб. agëj "светать", aguthe "рассвет". Возможно, Ἀγαφίρσοι — это "жаждущие яркого/металла/, жадные до золота", ибо о них сказано у Геродота: $\text{Ἀγαφίρσοι δὲ ἐρράβητοι ἄνθρωποι εἰσὶ καὶ χρυσοφίλοι τὰ μάλιστα}$ агафирсы весьма изнежены и очень любят носить золотые украшения" /IY, I04/. Для этого требуется, правда, предположить особое дак. название золота, отличное от фрак. salt, sald "золото", реконструируемого В. И. Георгиевым, но принимаемая номинация "золото" < "яркий металл" естественна. Полностью отождествлять агафирсов с даками нельзя, как, впрочем, и со скифами-иранцами. Отношения братьев Агафирса и Скифа в генеалогическом предании /Hdt. IY, I0/ надо понимать как отношения 2 особых народов. Мы уже писали о том, что одним из названий иранцев-скифов было $*\text{para-}$ "меньшие, потомки". Отношениям скифов- "младших" и индоарийцев- "старых ариев" была, видимо, свойственна чересполосица, породившая раздел, глухо донесенный до нас генеалогическими легендами скифов. Но и раздел не изжил до конца чересполосицу. Не случайно всюду за индоар. волной миграции шла иран. волна. Расселение в самом Сев. Причерноморье говорит о том же. Корень $*\text{par-}$ "меньшие, младшие" распространен от /А/ напа /с наращением а- в абх.-адыг. среде/ на востоке до ант. Νάριουχα, Нароса /совр. Cluj-Narosa/ в Трансильвании, т. е. в стране агафирсов на западе. Narosa — это гибридное иран.-индоар. сложение /"жилище 'напов'"/, где 2-ой компонент — к др.-инд. $\text{bka-} / * \text{auka-}$ /"жилище", ср. Satauci (Plin.), племя в Крыму, букв. /индоар./ "семь уделов, жилищ". Встает вопрос о древнем присутствии индоариев в Трансильвании /как отправной пункт движения? как цель одной из возвратных миграций? Ср. реконструируемый путь с востока на запад ант. сербов — индоарийцев, растворившихся позднее в славянах/. Приобретают новую остроту вопросы конкретной этимологизации местной гидронимии и топонимии, ср. Nitra /басс. Дунай/ ~ Чиге-нитра в Вост. Крыму /ВЯ 1979, №4, с. 44/.

возможно, Hornád /басс. Дуная/ др.-инд. padī "река"/ гидронимы Barnadī, Mahānadī в самой Индии/, далее – ср. ряд МН, известных только в Трансильвании и Банате и содержащих элемент –pad: Pānade, Tāṣnad, Taṣnad, Cenad.

А. Фол

ФРАКИЙЦЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Проблемы фрак. элемента в Сев. Причерноморье обычно решаются в миграционном плане: как остаток передвижения фракоязычных племена с северо-востока на юго-запад или наоборот – как конечная фаза фрак. диаспоры на северо-востоке.

Считаю, что проблемы фрак. элемента в Сев. Причерноморье связаны с проблемами т.н. киммерийского состава. В этом же плане они являются объектом исследования /этно-?/ лингвистической и /этно-?/ культурной интерференции в рамках понтийских связей.

О. П. Цыбенко

Ὄρμος Ἀρμονίας. К ПРОБЛЕМЕ БАЛКАНО-АНАТОЛИЙСКИХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Среди данных, отражающих ранние греко-фрак. культурные связи, особое внимание обращают на себя фиванские легенды. Вместе с тем все чаще возникает вопрос о культурных контактах и генетических связях балк. народов, прежде всего греков и фракийцев с анатолийцами. В этом плане показателен образ Гармония.

Гармония, легендарная прародительница фиванцев, – одна из ипостасей Афродиты /ср. фрак. эпитет Геры Ἀρμούληνη /и входит в круг связанных с ней божеств. В эллинистическо-римскую эпоху образ Гармонии абстрагируется от своей мифологической реальности, приобретая характер символа, играющего большую роль в мифологическом мироустройстве /Нонн XII, 29–35; I, 396–397 и др./ Однако некоторые позднеантичные версии /Нонн, Аполлодор, Оппиан/ содержат реминисценции древних мифов. Культ Гармонии связан с др.-беот. культом Кадма и змеборством. По распространенной версии, Кадм и Гармония прибыли в Беотию с Самофракии, населенной племенем βῆοι, жившем также в материковой Фракии и на о-ве Фасос, эпонимом которого был брат Кадма /Нонн II, 684/. Близки также и генеалогические легенды Самофракии и Фив, сообщающие о синокиз-

ме, проведенном Саоном /эпоним о-ва и племени/ и Кадмом при совпадении числовых характеристик. Павсаний /IX 40,2/ упоминает бегот. Саона, основавшего прорицалище Трофония: *Σάων... εἶδεν ἑστῶν μελισσῶν ὅπως ποτ' ἂν ἀπογράψινται καὶ αὐτοὺς ἐπεσθαι*

/ср. Топоров о роли пчелы в анат. традиции/. По традиции, Гармония – дочь Фрак. Ареса, которому посвящен убитый Кадмом дракон. Возможно, Кадм и Гармония – ипостаси Ареса и Афродиты, ср. их прославленную поэтами свадьбу *ἑρὸς χάμος*. Кадм в Беотии и на Самофракии также тесно связан с Гермесом. И Кадм, и Гермес выполняют роль трикстера в змееборческой мифологии, причем, как и Тифон, выступают в ряде местностей Зап. Анатолии, реже – Греции. Миф о борьбе Кадма–Гермеса с Тифоном отражен в ряде эпонимов этого ареала /килик. *Κηρύκειον*, беот. *Κηρύκειον* / и близок хет. змееборческим мифам. В балк.–анат. аспекте можно рассматривать сообщение Аполлодора /I 6,3/ о битве с Тифоном во Фракии с рационалистической этимологией оронима *Αἴμος*. Мифологические функции Гармонии отчасти освещает сообщение Павсания /IX I6,5/ о связи Кадма с Деметрой. Несомненно у Гармонии черты матриархальной богини, черты сохранившиеся на анат. почве.

В фиванском цикле значительна функция образа *ἄρμος Ἀρμονίας*, полученного Гармонией во время ее *ἑρὸς χάμος* и являющегося основным атрибутом последнего. Это ожерелье затем переходит к Эрифиле, причем сюжет имеет ряд связей с хеттами при посредстве Трои, что подтверждается ономастикой /Гиндин/. Самофракия выступает здесь как связующее звено между балк. и анат. мифологией. Напомним генеалогическую легенду, выводящую родословную троянских царей из Самофракии /Диодор У 48, Нонн III I89–I92, 345–347/. Через о-в шла миграция с Балкан в Анатолию, отзвуки чего находим у Нонна, где фрак. и фриг. МН своеобразно смешиваются /III I9I–I94, ср. Диодор У, 48/. Допустимо предположить фольклорно–эпическое переосмысление *Ἐριφύλη* и *Εἰρύπιλος*, анат. или фрак. имени на греч. почве, что отражает мифологическую функцию Эрифилы. В плане народнопоэтич. адаптации это имя может рассматриваться как "выбывшая раздор в род".

Учитывая возможность культурной и генетической близости указанных греч., фрак. и анат. сюжетных блоков, можно предположить наличие в хет. мифологии наряду с *Ἐριφύλη* и *ἄρμος Ἀρμονίας*

легенды о спартах, которая затем преломилась в цикле аргонавтов как кавказская. Результатом может быть и упоминание о "кавк." Тифонии у Аполлония Родосского /П, I211 / . В этом случае упоминаемые Аполлонием *κίταροι* /П, I094/ должны рассматриваться как идентичные гом. *κίτεςροι* , т. е. как хетты.

Т. Н. Чернышева

АНТИЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В АПОКАЛИПСИСЕ

Жанр "Откровения" на рубеже эллинистической и христианской эпох имел несколько представителей и явился результатом развития ветхозаветных пророчеств в эллинизированной среде. Наибольшую связь с ант. традицией обнаруживает "Пастырь", где влияние эллинистической ораторской прозы особенно наглядно. Апокалипсис /=А./ от Иоанна, последняя в ряду канонических книг Нового Завета и одна из немногих, у которых датировка и место создания достаточно бесспорны, по праву считается одним из самых "иудейских" памятников раннехристианской литературы. Об этом говорит и образная система, и магия чисел, и лексика. Исследователи находят, что многие "темные" места текста получают естественное объяснение, если подставить вместо греч. слова его араам. прототип. На первый взгляд только греч. язык /возможно, вторичный/ вводит А. в пространство позднеэллинистической прозы. Композиция А. заставляет нас вспомнить Авесту /22 главы А. - 22 фрагменты Авесты/. Число 22 в данном случае определяется числом букв араам. алфавита и подчеркивает завершенность А. Как 22 буквы исчерпывают араам. алфавит, так 22 главы А. призваны исчерпать события человеческой истории. От других произведений жанра откровения А. Иоанна отличается наличием диалогов и хора. В диалогах участвуют Бог, Иоанн /=Человек/ и иногда Ангел. Хоры представлены 144.000 "чистых" и таким же числом "нечистых", священными животными, старцами и стихиями. Диалоги и хоры почти теряются на фоне грандиозных фантазмагорических видений, но они несомненно наличествуют и выполняют важную роль в развитии действия.

Итак, для описания композиции А. Иоанна приходится ввести термины греч. трагедии. И дело, видимо, не только в терминах, если при сопоставлении с композиционной стороны А. и Царя Эдипа в

этих произведениях оказывается то же самое число эпизодов и стасимов. Известная параллель между этими произведениями существует и в плане содержания. Софокл разрешает конфликт между Человеком и Роком, проводя Эдипа через тяжчайшие физические и нравственные испытания к гармонии с миром. В конечном итоге его трагедия сводится к гимну Человеку, его Достоинству, которое обеспечивает Человеку нравственную победу над Роком. Иоанн представляет конфликт между Человечеством и Богом, который проводит Человечество через тяжчайшие физические и нравственные испытания к великой всемирной гармонии. В конечном счете А. сводится к гимну творцу Человечества и его трагедии. Иоанн, разумеется, не полемизировал сознательно с Софоклом. План софокловской трагедии и ее композиция могли быть усвоены и воспроизведены им подсознательно. Ведь все малоаз. побережье к его времени было давно эллинизировано, и театр был неотъемлемым элементом культурного обихода эллинистического города. Композиционная общность А. и софокловской трагедии вряд ли может быть случайной.

Н.Д.Членова

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ИРАНОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Еще недавно предполагалось, что иран. население в Сев. Причерноморье жило в скиф. и сармат. эпоху, т.е. не ранее V—VI вв. до н.э. В.И.Абаев пришел к выводу о том, что сев.-иран. племена жили в Вост. Европе задолго до скиф. эпохи. Сейчас имеется много археологических данных, которые подтверждают эти заключения лингвистов и позволяют датировать появление иран. населения в Сев. Причерноморье до скиф. временем. Непосредственными предшественниками и одними из важнейших предков скифов здесь были носители срубной культуры позднего бронзового века /сер. II тыс. до н.э.—III в. до н.э./ Антропологически скифы и носители срубной культуры почти не различаются /по данным Г.Ф.Дебеца и Т.С.Кондукторовой/. Население срубной культуры было для своего времени необычайно многочисленно /в несколько раз превосходило население любой другой культуры бронзового века на территории СССР/. Очень вероятно, что, будучи столь многочисленными и являясь физически предками скифов, носители срубной культуры были и их предками

по языку, т.е. были ираноязычны или индоираноязычны.

На территории Сев.Причерноморья и примыкающей к ней имеется ряд гидронимов, ареал которых совпадает с сев.границей срубной культуры /в более южных, степных районах они не сохранились, будучи вытеснены гидронимами тюркскими, а на Ниж.Дону – и русскими/. Эти гидронимы следующие: в бассейне Днестра – Реут, в бассейне Днепра – Сура, Снопород, Савоткань, Домоикань, Ворсла, Рашевка, Сула, Удай, Артополот, Уды, Сейм, Снов, Реть, Рать, Реутец, Тускорь, Есмань, Эсмань, Свапа, Сев, Апака, Апажа, Хан, Реут, Прут, в бассейне Дона – Снова, Усмань, Хава/Гава/, Савала, Сарда, оз.Усменское, Сердоба. По заключению лингвистов /Абаев, Трубачев, Топоров, Стрижак/, это др.-иран. названия. Некоторые из них /Апака, Свапа, Снов, Эсмань/ могут быть и индоиран., хотя это сомнительно. Поднепровские гидронимы Руд, Руда /33 названия/ также иранские. Весьма вероятно, что все перечисленные гидронимы – доскифские /скифами и сарматами оставлены гидронимы на -дон/. Несколько аналогичных гидронимов /Сев.Уда, Усманка, Осман, Серта/ и много гидронимов на -ап, -оп, -аба, -уб, -уба /Урап, Шалап, Сузоп, Тараба, Аба, Уба/ имеется в Сибири. Их ареал совпадает с андроновской культурой, близкородственной срубной археологически и антропологически и существовавшей также во II-I тыс. до н.э./до УП в. до н.э./ Андроновские памятники распространены на очень широкой территории. Наиболее южные из них известны в Ср. Азии, в Юж. Туркмении/на пути в Иран/ и в Афганистане/на пути в Индию/, а сев.-зап. – в Ср. Зауралье и Башкирии, в зоне контакта с носителями черкакульской культуры, вероятно, финно-уграми. Это позволяет думать, что и носители андроновской культуры были иранцами или индоиранцами. Имеется обширная зона интенсивного смещения и контактов срубной и андроновской культур /от Заволжья до Юж. Зауралья и, видимо, Приаралья/; значительное число андроновских и смешанных срубно-андоновских памятников выявлено в последнее время на Украине /вплоть до Буга/. Родство носителей срубной и андроновской культур и их тесные связи на огромной территории от Буга до Тобола – дополнительный аргумент в пользу того, что носители срубной культуры /в т.ч. в Сев. Причерноморье/ были иранцами. Что до более раннего населения Сев. Причерноморья, то о его этнич. принадлежности трудно судить по археологическим данным.

К ФОРМИРОВАНИЮ ГРЕЧЕСКОЙ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ В СВЕТЕ
КРИТО-МИКЕНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

До начала 50-х гг. падежная система др.-греч. языка была известна нам в статическом состоянии, т.к. процессы, которые привели к ее образованию завершили задолго до появления древнейших из известных нам до 1952 г. памятников. Наблюдаемое к концу ант. периода исчезновение *dat.* связано уже с переходом к ср.-греч. языковому состоянию. Стабильность падежей системы представляется особенно примечательной на фоне значительного разнообразия морфологических показателей падежей в греч. диалектах. Дешифровка крито-мик. надписей открыла нам греч. языковое состояние II тыс. до н.э., качественно отличное от класс. полидиалектного состояния I тыс. до н.э. Общей -е. система именного склонения включала наряду с истинными падежами /N, A, G/ также квазиказуальные формы /D, I, L, Ab/. Последние могли образовываться не от всех имен, не дифференцировали грамм. чисел, не имели синтаксических функций. Уже в и.-е. языковом состоянии появилась тенденция к устранению неоднородности падежной системы. Для ее дальнейшего развития имелась двоякая возможность: элиминация квазиказуальных форм или наделение их всеми свойствами истинных падежей. В I-ом случае могло иметь место слияние 2 квазиказуальных форм в одну или поглощение квазиказуальной формы истинным падежом. В крито-мик. надписях отражен важный этап греч. падежной системы. Ко времени их написания *abl.* был поглощен *gen.* К тому же времени завершилось слияние *dat.* и *loc.*, благодаря чему из 2 квазиказуальных форм был создан полноценный *dat.-loc.* Решающим оказался, видимо, факт формального совпадения *dat.* и *loc.* во мн.ч., а у основ на -ā- и в ед.ч. Немаловажное значение имело и то, что дативная и локативная лексика находились в дополнительном распределении. Это и объясняет формальную и функциональную равноценность *dat.* и *loc.* в составе синкретического *dat.-loc.* микенской эпохи.

В микенскую эпоху еще сохранялся *inst.* - последняя квазиказуальная форма в системе именного словоизменения. В значении *inst.* во мн.ч. у всех основ, кроме тематических, употреблялись образования на - $\bar{r}i$ - \bar{y} %. Однако они же могли иметь в языке крито-мик. надписей локативное или аблативное значение. В этом значении

они дублировали *dat.-loc.* и *gen.* Характерно, что в локативном и аблативном значении они сохраняли свою нейтральность к дифференциации значений числа. Эти факты свидетельствуют о том, что функционирование форм на *-υι* в значении *inst.* мн.ч. было вспомогательным средством, призванным устранить былую индифферентность *inst.* к оппозиции по числу. Однако полисемантический характер форм на *-υι* не давал возможности превратить *inst.* в полноценный падеж. Можно предполагать, что наделение *inst.* функцией агенса при страд. залоге могло бы предотвратить его элиминацию. Однако оппозиция актив-пассив в греч. залоговой системе возникла, когда самостоятельный *inst.* уже не существовал. Развитие грамматического строя др.-греч. языка в рассматриваемый период шло по линии усиления обобщающего характера компонентов грамм. категорий. Синкретический *dat.-loc.* представлял собой падеж с большой степенью обобщенного значения. Главным в значении *dat.-loc.* было значение косвенного объекта или сопутствующего обстоятельства. Но это было и основным значением *inst.*, с той разницей, что диапазон частных значений *inst.* был значительно уже. Это и предreshло поглощение инструменталиса *dat.-loc.* Как самостоятельный падеж, *inst.* не сохранился ни в одном греч. диалекте класс. эпохи, несмотря на то, что его элиминация относится ко времени резкого усиления диалектной дифференциации.

В. П. Яйленко

МАЛОАЗИЙСКИЕ ИМЕНА В НАДПИСЯХ БОСПОРА

В. В. Латышев, М. Фасмер, Л. Згуста выделили несколько малоаз. ли в надписях Боспора: *Θύς, Κυρῦλος, Σισουλις, Αστανδῖνος, Μανδῆσος, Βαγῆς, Τελος, Ολιχαγῆς*. Неизданные еще граффити и лапидарные надписи Боспора дополняют этот список. Из числа граффити - вырезанных на сосудах имен владельцев - сюда относятся: *Κοβσῶ/ΙΥ* в. до н. э., *Αλιβ(ων)/ΙΥ* - III в. до н. э., *Τεργῆς* / I - II в. н. э. / На фоне этого весьма скромного малоаз. вклада в антропонимическую номенклатуру Боспора, насчитывающую до 6000 имен и патронимиков, выделяются 2 надгробные надписи II - III в. н. э., обнаруженные раскопками В. Н. Корпусовой 1964-1966 гг. на некрополе Фронтное II в Восточном Крыму.

I. Известняковая стела, обломанная снизу, высота букв 7 см.

Ν[η]ς Σουνι
μνίας χά-
ριν (?) διο[υ]
Μ - -

"Нес, сын Суниса
памяти ради,
своего..."

Π. Известняковая стела с фронтоном и акротериями, высота букв 4,5-5,5 см.

Ἀγαθῆ τύχη
Νικίᾳς Φα-
δίου μνή-
μης χάριν
ἀγέστη-
σ(ε) στή[την]
Λιμνῶ[ν]
Σουσο[ύ]

"В добрый час.
Никий, сын
Фадия,
памяти ради
поставил
стелу
Лимнею /?/,
сыну Сусы"

Имя Ν[η]ς/или Ν[α]ς / и патронимик /?/Σουνι 1-ой эпитафии, так же как и патронимик Σουσο[ύ] 2-ой эпитафии - малоаз. происхождения. Такая концентрация малоаз. ЛИ в 2 надписях заставляет связывать обе эпитафии с выходцами из Малой Азии. Из места находки надписей в глубинной части Вост.Крыма явствует что упоминаемые в них лица были не заезжими купцами, скончавшимися на Боспоре /ср. Корпус боспорских надписей I24, 249, 530, 610 и др./, а жителями сельского боспорского поселения, оставившего некрополь Π-Ш в н.э. Фронтное Π. Это были переселенцы из Малой Азии, и на Боспоре, таким образом, наблюдается та же картина, что и, к примеру, в Дакии, где присутствие малоаз. колонистов, по данным К.Петолеску, засвидетельствовано большим числом источников.

М.В. Бибиков

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЭТНОНИМИЯ. АРХАИЗАЦИЯ КАК СИСТЕМА

Многочисленные дискуссии в современной медиевистике связаны с толкованием отдельных этнических терминов визант. памятников. Традиционный путь решения этих проблем методом подбора аналогий; его непродуктивность для решения большинства издавна спорных проблем. Данная работа основана на привлечении массового совокульного материала по XII-XIII вв.: произведений 46 авторов и ряда анонимных сочинений, актов, легенд печатей. Разрабатываемая методика направлена на раскрытие семантической сферы этнических

/и связанных с этносом государственных и территориальных/ наименований и определение закономерностей их функционирования. Архаизация. Реальные, современные для анализируемых памятников, этнические термины – раритет. Напр., русские, Русь /в различных вариантах/ систематически употреблены только в актах и легендах печатей: др. наименований для Руси эти 2 типа источников практически не знают. Иная картина в нарративных сочинениях: самоназвания народов или актуальная терминология – скорее исключение, чем правило. Основная масса этниконов – архаические наименования, утерьявшие свой настоящий этнический смысл: население Руси, напр., обозначается терминами скифы, тавры, тавроскифы, киммерийцы, гипербореи и т.п. Архаизация терминологии – элемент системы словоупотребления визант. авторов. Этническое содержание рассматриваемых названий редко соответствует принятому этнониму. Во многих случаях не устанавливается единственная корреляция между этниконом и этносом: один термин имеет расширенное значение, распространяясь одновременно на несколько народностей, или наоборот, для целого ряда наименований не подходит лишь один и тот же этнический коррелят. Описательность – другая характерная особенность визант. наименований народов: риторическому стилю повествования присуща замена этнонимов описательными выражениями. Термин "северные" может обозначать русских, "западные" – туркских кочевников, "миксоварвары" – нижнедунайское население, употребителен общий термин "кавказцы" и т.п. Этикетность. В употреблении ЭН визант. авторами, с одной стороны, наблюдается тенденциозный отказ от самоназваний, точных ЭН, с другой, – тяготение к архаической терминологии, к описанию вместо этнонима. Для понимания этой проблемы предлагается обратиться к категории этикетности средневекового мировосприятия. Применительно к ЭН это оборачивается созданием сетки этнических представлений, основанных на авторитете античных свидетельств, и составивших систему, элементы которой – этнонимы – непосредственно или в определенных ипостасях наложены на карту современного византийцу мира. Соответственно, на название народа, обитающего в той или иной области, переносится этникон античного племени, обитавшего здесь. Это принципиальная модель рассматриваемого явления; определение же генетической стороны решается в каждом случае конкретно. Этикетная сис-

тема связи этнической номенклатуры с определенной территорией обуславливает возможность "сосуществования" в одном времени на умозрительной карте византийца XII в. народов, разделенных тысячелетиями. Комплексность. На материале изучения этнонимических систем отдельных визант. авторов установлено, что средневековые наименования не являются категорией, обозначающей только этническую принадлежность, но содержат в себе общее закрепленное традицией представление о месте поселения, образе жизни, деятельности, быте, нравах народа. Визант. этнонимия тесно связана с географическими представлениями и "этническим портретом". Наименования народов в византийских памятниках, не являясь этнонимами в узком и строгом смысле слова, включают в себя обширную область географо-культурно-бытовых характеристик в соответствии с этикетными требованиями социально-художественного фона авторского творчества.

Е.С.Голубцова

ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

1. Различный социальный и экономический уровень сельских поселений, расположенных на городских и государственных землях. 2. Взаимоотношения города и общины, характер налогового обложения, начиная с эпохи эллинизма /надписи Мнесимаха, Лаодики, декрет, посвященный синойкисму Теоса и Лебедоса/. 3. Другие формы эксплуатации общины – поборы и поставки продовольствия, расквартирование войск, строительные и дорожные работы. 4. Специфика форм эксплуатации общины, расположенной на государственной земле. Взаимоотношения с центральной властью, сначала – в период эллинизма, позже – Рима. 5. Аналогия – форос – portorium. 6. Эпиграфические свидетельства о взимании налогов с крестьян в вост. части Римской империи вплоть до III в. н.э. Надписи катойкии тоттеанов и соенцев, декреты Скаптопарены, императорских имений Лидии и др./ 7. Эксплуатация местных племен греч. городами /мариандины, илоты, педиеи, фригийцы/. 8. Аналогичные формы эксплуатации в Северной Греции и на Крите. 9. Стабильность основных форм эксплуатации сельского населения начиная с эпохи эллинизма и до III в. в странах Юго-Восточной Европы.

К ВОПРОСУ ОБ АГАФИРСАХ

Относительно этнической принадлежности агафирсов и их локализации в специальной литературе уже были высказаны разные точки зрения. Однако вопрос этот не может считаться решенным, как не предполагаю решить его и я в настоящих заметках. Вместе с тем привлечение всех дошедших до нас свидетельств об агафирсах позволяет полнее описать это племя и соответственно более обоснованно судить и о его этнической принадлежности, и самом местонахождении. Сведения собственно исторического характера об агафирсах ограничиваются свидетельством Геродота. Данные римского времени об агафирсах в большинстве своем носят этнографический характер. Однако в сочетании с некоторыми эпиграфическими свидетельствами они дают основание считать, что контакты агафирсов с греч. миром начались, по-видимому, уже до времени Геродота. Римляне пришли в непосредственное соприкосновение с агафирсами, очевидно, при Августе, когда последовал ряд военных кампаний против даков, в которые были вовлечены и агафирсы. Помимо долины реки Марис /ныне Муреш в Трансильвании/ агафирсы занимали, вероятно, также области далее на восток. Согласно Солину, их соседями были гелоны. Не исключено, что власть агафирсов распространялась как раз на те племена, которые вместе с агафирсами не пришли к скифам на помощь в их борьбе против персов. Очевидно, влияние агафирсов в карпатских землях держалось вплоть до возвышения даков и прихода на Дунай бастарнов.

В.Цымбурский

О СВЯЗЯХ ДРЕВНЕМАКЕДОНСКОГО ЯЗЫКА С БАЛТО-СЛАВЯНСКИМИ

Др.-макед. язык расположен в центре переходной зоны. В этой связи представляют существенными специфические связи др.-макед. с восточно-и.-е., в частности, с балто-слав. языками. 1. Учитывая роль макед. Артемиды как покровительницы источников, можно предположить, что ее имена *Βλουρεΐτις* и *Γαξωρεΐτις* /ср. мн. *Γάξωρος*/ имеют сходную внутреннюю форму: в основе **Влоўрос* - и.-е. **bhlu-cros* /гора с источником/, соотв. *Γάξα*, ср. скр. *gaha* "омут" и т.д. 2. Макед./а также фрак. и фриг./ Афродита *Ζεφρένη*,

Zervtia, ср. балто-слав. обозначение Венеры как звезды—"зверятницы": лит. *žverinne*, чеш. *zvířetnice* /Георгиев/. 3. *ἀρχνῆ· κομῆ* "зарастает волосами", ср. лтш. *barkšains* "бахромчатый", скр. *bark-* "сильно расти". 4. От того же корня *ἀρροῦτες· ὄρως* "брови", ср. др.-русск. брудь /лит.-ру по этой этимологии см. ЭССЯ 3, 64; Фасмер/. 5. *γοτῶν· ὄν* "свинья", ср. у Гес. глоссу *γοῦτα· οἶς* "овца". Принимая *οι = ω* под влиянием смежного *οἶς*, получаем фрагмент парадигмы слова со значением "скот": им. п. *γῶτα*, вин. п. *γοτῶν*. Общепринятая этимология: к лит. *gūtas* "скот", греч. *πρόβατα* и т. д. 6. *κίπερροι· ὠχροί* "бледножелтые", редупл., =лат. *cicero* "горох"/Каллерис/. Имеются балтослав. соответствия без редупл. У Гес. на соответствующем месте — *κίπερροι*, которое обычно считается опиской; возможно, это результат контаминации **ker-* и **kei-*. 7. *κίρνος· σκότιος* "темный, скрытый", толкуется Фотием как название бастарда /*σκότιος*/. Ср. слав. **сътъ*, скр. *кѣпнѣ* и под. 8. *ἀράχνα· βόβο* "роза" можно сравнить со слав. **вагъ*; вариант гетероклизы *с-п-* в слав. обозначает болото или болотное растение с белыми цветами и одурманивающим запахом.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
В.И.Абаев.О некоторых "варварских" топо-, этно- и антропонамах у античных авторов	5
Ц.Р.Арутюнян.К армяно-греческим соответствиям	5
Л.С.Баюн.Общелувийский тип спряжения: к проблеме реконструкции	6
А.А.Белецкий.Названия рек Греции	7
Л.А.Гиндин.Членение скифских племен в свете семантической дистрибуции глаголов обитания в IV кн.Геродота	8
Э.А.Грантовский, Д.С.Раевский.К вопросу об "индоарийском" этноязыковом элементе в северном Причерноморье в античную эпоху	14
А.К.Гулакян.К вопросу об аугменте во фригийском, древнегреческом и древнеармянском языках	16
Т.А.Гуриев.Осетинский эпический образ скифского возраста	17
Ф.Елоева.О западных связях скифов	18
Т.Д.Златковская.Пути сохранения древнебалканской обрядовой традиции.Опыт систематизации	19
Вяч.Вс.Иванов.Новые данные о соотношении малоазийской ликийской, этрусской и римской письменных традиций.Обозначение чисел	20
С.А.Иванов.Обозначение славян как этнической общности в "Истории войн" Прокопия Кесарийского	23
В.И.Исаева.Фракийские сюжеты у Исократа и Демосфена	25
Н.Н.Казанский.Об одном названии хлеба в языках восточного Средиземноморья	27
И.А.Калужская, В.Э.Орел.И.-е.е в албанском	28
Г.П.Клепикова.К проблеме стратификации романских заимствований в лексике языков балкано-карпатского ареала	30
В.И.Козенкова.Контакты населения карпато-дунайского мира и Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы - раннего железа	32
Е.Е.Кузьмина.О балканском или центральноазиатском пути миграции индоевропейских народов	34
Г.Г.Литаврин.Славяне Мисии и Малой Скифии до прихода протоболгар Аспаруха	36

А.И.Мелюкова.Археологические данные о фракийцах на западе и юго-западе СССР в I тысячелетии до н.э.	37
Н.Я.Мерперт.Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века	39
А.А.Молчанов.Методика работы с минойскими текстами.Дешифровка и интерпретация	42
Ю.В.Откупщиков.О фракийско-малоазийской ономастике Северного Причерноморья	45
В.Э.Орел.Балканские этимологии. I.Слав.*осьтъ	46
А.В.Подосинов.К истории скифов в Добрудже.По сведениям Овидия	48
Д.С.Раевский.К проблеме системности скифской мифологии	49
Э.А.Рикман.О начале расселения и этнических контактах славян в карпато-дунайских землях	51
Л.А.Сараджева.К этимологии арм.kašatax "осина"	52
Т.Ф.Семенова.К вопросу об изучении древних тюркских элементов в языках карпато-балканского ареала /по материалам ОКДА/	53
М.Н.Славятинская.Этнонимы в поэтическом тексте	54
В.Н.Топоров.Др.-греч.Σπάρτη и фрак.*Spart-	55
О.Н.Трубачев.Indoagica в Скифии и Дакии	59
А.Фол.Фракийцы в Северном Причерноморье	63
О.П.Цыбенко.ὄρμος Ἀρμόνιας .К проблеме балкано-анатолийских этнокультурных связей	63
Т.Н.Чернышева.Античные элементы в Апокалипсисе	65
Н.Д.Членова.О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье	66
С.Я.Шарынкин.К формированию греческой падежной системы в свете крито-микенской письменности	68
В.П.Яйленко.Малоазийские имена в надписях Боспора	69
М.В.Бибиков.Византийская этнонимия:архаизация как система. 70	
Е.С.Голубцова.Формы эксплуатации сельского населения юго-восточной Европы в античную эпоху	72
Ю.К.Колосовская.К вопросу об агафисах	73
В.Цымбурский.О связях древнемакедонского языка с балто-славянскими	73

Подписано к печати 28. 10. 80. А-09418

Объем 4,75 п.л. Тираж 400 экз. Зак. 346

Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"

Москва К-45, ул. Жданова, 12/1